

Алина Чинючина

Сказка о принце.

Книга вторая

Алина Чинючина
Сказка о принце. Книга вторая

«Автор»

2012

Чинючина А. Р.

Сказка о принце. Книга вторая / А. Р. Чинючина — «Автор»,
2012

Принц Патрик и Вета Радич волей обстоятельств потеряны друг для друга. Она - теперь простая горожанка в маленьком доме на окраине столицы. Он - беглый каторжник, чудом оставшийся в живых, заговорщик. Вета растит сына. Патрик собирает сторонников, чтобы вернуть себе трон. Неожиданно все рушится и почти висит на волоске, но в этот момент вмешивается чудо... Встретятся ли снова молодой король, вернувший себе престол, и его любимая?

© Чинючина А. Р., 2012

© Автор, 2012

Алина Чинючина

Сказка о принце

Йарвену

Книга вторая

Пролог

Он шел по серой равнине, проваливаясь сквозь подтаявший наст. Наст был серым, и небо – серым. И серый туман клубился в призрачном и прозрачном лесу. Лес был недалеко, но как будто не здесь. А здесь – только низкие облака, серое небо и тусклый снег.

Он шел, спотыкаясь, и ни о чем не думал. Странная и забытая роскошь – ни о чем не думать. Странная легкость царила на душе в и теле. Впрочем, и тела, наверное, не было тоже. Опустив взгляд, Патрик увидел, что ноги, кажется, все-таки есть – но словно не здесь, отдельно. Они идут – и он идет. Ну и ладно.

Солнца не было. Боли не было. Ничего не было. Тишина.

Где-то далеко-далеко остались солнце, земля, друзья, отец, Вета... Вета... Мысль о ней тянула куда-то назад и вбок – но Патрик шел, потому что остановиться означало упасть. А падать он не хотел.

Вета. Солнечный луч в сером безмолвии.

Вета.

Где-то далеко, на грани слуха, раздался скулеж или вой – не разобрать. Несколько мгновений – сколько? – и его уже стало можно различить.

Патрик медленно обернулся.

... Серые тени стелились над серой равниной. Сверкали зеленые волчьи глаза, и рык опережал несущуюся к нему стаю, стремительный бег их был размеренным и неумолимым. Ближе. Ближе.

Патрик очнулся. Обернулся – и рванулся бежать вперед, к лесу, с трудом выдирая ноги из смерзшегося снега.

Он бежал – и они бежали. Они нагоняли – вот уже чувствуется позади жаркое волчье дыхание. Рычание оборвалось – значит, сейчас прыгнут...

Лес уже близко. Скорее!

Патрик бросился в сторону, в другую – словно это могло спасти его от летящей стрелы, но не от стаи волков. А потом вдруг совсем близко впереди зачернели деревья – и отчаянным прыжком он метнулся вверх, ухватился за развесистый сук и рывком забросил себя на ветку. На волосок от оскаленной волчьей пасти.

Сколько-то минуло времени. Потом Патрик осознал, что он сидит довольно высоко от земли на прочной ветви огромного дерева, поджав ноги, обхватив руками ствол, а внизу на снегу беснуется волчья стая. Небо нависало над ним, цепляясь облаками за сучья.

Волки покрутились вокруг дерева – и переглянулись. Честное же слово, переглянулись. И уселись кругом. Ждать.

Огромный волчище с черными пятнами на морде и проплешиной на боку – вожак, что ли? – поднял нос. Обнюхал ствол, обошел вокруг. Завыл. И... показалось с перепугу или же правда в вое-лае этом послышались человечьи слова?

– Ладно, слезай, – прорычал волк. – Не тронем.

Патрик поерзал, усаживаясь поудобнее. Помотал головой. Послышалось?

– Слезай, говорю, – повторил волк. – Не тронем.

– Нет уж, спасибо, – пробормотал Патрик. – Мне и здесь хорошо.

– Замерзнешь, – фыркнул волк.

– Тебе-то что?

– Мне-то ничего. А ты сюда что, замерзнуть пришел? Да слезай. Если уж мы тебя не догнали, то все, шабаш. Ходи теперь свободно.

– Это где ж такие правила? – прищурился Патрик.

– Ну и дурак, – непонятно высказался волк. – А я тебе еще раз говорю: раз сумел убежать, то все. Можешь приходить сюда в любое время. Не тронем. Ты теперь здесь свой.

Он коротко рыкнул – и стая, поднявшись, выстроилась в цепочку и потрусила куда-то в туман. Минута, другая – тишина, ничем не нарушаемая, давала понять, что все это ему причудилось. И волчьи следы на снегу – тоже.

– Ну, спасибо, – пробормотал Патрик, спрыгивая с дерева. – Буду знать.

И что дальше? Где он вообще?

Снег скрипел под ногами. Деревья росли довольно густо, но пока недостаточно для настоящего леса. Странно, здесь совсем не холодно. Патрик машинально наклонился, зачерпнул горсть снега, кинул в рот. Поморщился.

А потом вдалеке замерцал огонек, и Патрик пошел в ту сторону. Просто потому, что ему было все равно. Успел еще подумать – как в сказке. Кого я встречу здесь? Братьев-месяцев?

Вокруг маленького костра на лесной поляне и вправду сидели – только не двенадцать, как в сказке, а лишь трое. И Патрик остановился, словно с размаху налетел на стену. А потом подумал – наверное, так и должно быть. Ведь я... умер?

Они смотрели на него. Молчали. Тянули к костру руки, сидели, поджав ноги, прямо на снегу – и смотрели. Так, словно никогда прежде не видели. Удивленно? Обрадованно? Недовольно?

– Еще один, – буркнул Джар. – Только тебя здесь не хватало.

– Зачем ты пришел? – без улыбки, но ласково спросил Ян.

Патрик ошеломленно молчал.

Может, это и правда была смерть. А может, и нет. По крайней мере, он чувствовал, как колотится – живое! – его сердце, как заливает душу радость и вина. Теперь они никогда не расстанутся.

– Где отец? – спросил он глупо, не зная, что сказать.

– Там, – Джар мотнул головой куда-то в сторону. – У них свой костер. А мы уж так... по-простому.

Патрик сделал шаг навстречу. Провалился в сугроб едва не по колено.

– Чего пришел-то? – повторил Джар.

Магда смотрела на него темными глазами и молчала.

– Не знаю, – честно ответил Патрик.

– Не знает он, – фыркнул Джар. – А раз не знаешь, так гуляй обратно.

– Куда? – растерянно пробормотал он.

– Иди назад, – негромко проговорил Ян. – Тебе рано сюда.

Патрик молчал.

Магда поднялась с земли – легко, гибко – подошла к нему. Коснулась ладонью его груди, поправила разорванный ворот рубашки, провела пальцами по дырам на ткани, оставшимся от клинков солдат.

– Иди, – сказала тихо и ласково. – Тебе сюда не надо.

– Я умер, – так же тихо ответил принц.

– Нет, – сказал Ян. – Ты будешь жить.

– Почему?

– Потому что мы так решили, – просто ответила Магда. – И попросили.

– Зачем?!

Они засмеялись – ласково, совсем не обидно, словно взрослые на неразумные слова маленького ребенка. Джар кинул в костер сухую ветку.

– Потому что иначе мы умерли зря, – ответил ему Ян.

«Возьмите меня к себе», – хотел сказать Патрик – и не смог. Губы свело – морозом или судорогой, кто знает....

– Обязательно возьмем, – ласково ответила Магда. – Только не сейчас. Позже.

Часть первая

Живой

Рядовой пятой роты Особого полка Жан Вельен сидел в кабаке. Собственно, в этом не было ничего особенного – он часто сидел в кабаке. Но если бы кто-нибудь из друзей увидел его сегодня, то непременно решил бы, что Жан свихнулся.

Большая кружка с крепким пивом, стоящая перед ним на столе, была на три четверти полной. Не пилося сегодня Жану в удовольствие. Обычно таких кружек, вмещавших в себя две «нормальных», для обычных людей, входило в Жана от трех до пяти – смотря по обстоятельствам. Нет, если, конечно, завтра в наряд, то он и некрепким мог ограничиться... двумя кружками, например. Но не меньше. Это уже – предел, после которого он сам себя уважать перестанет. Да и его уважать перестанут – в их роте меньше не пили... ну, разве что задохлик Луи, но тому сам Бог велел не пить, после такого-то ранения.

Впрочем, Бог с ним, с Луи. Жан был мрачен. Он думал.

Да, скажи кому – ведь посмеются. Пальцем у виска покрутят или к бабке пошлют. Чтобы Жан – и думал? Он никогда не думает. Он действует. А думает потом... если вообще дает себе такой труд.

А сегодня он сидел. И думал. Один. С недопитой кружкой. Днем – благо, в увольнении был. И в глазах его плескалось... не то отчаяние, не то решимость на что-то, не то тоска смертная.

И день-то был такой хороший – солнечный, уже осенний, и день этот клонился к закату. Народу в кабаке прибавлялось каждые четверть часа: мастеровые, решившие пропустить кружечку после работы; солдаты, получившие увольнительную; разнокалиберный люд, громко или тихо требующий пива и чего пожрать; даже парочка тощих студентов, хотя для них не время вроде – эти позже подкатывают. Часом-двумя позже воздух от табачного дыма загустеет – хоть топор вешай, служанки взмокнут, таская подносы туда-сюда и ловко уворачиваясь от «грязных лап, фи», тянущихся к их корсажам, хозяин осипнет, а грубо сколоченные столы станут грязными и липкими. Но это потом, пока здесь чисто, довольно тихо и пахнет вкусно – булочками, что мастерски печет толстая стряпуха Дора. Солнечный свет падает через открытую дверь, в луче плавают пылинки.

Но не смотрел Жан ни по сторонам, ни в окно, ни даже на хорошенькую служаночку, к которой подкатывался уже пару месяцев. Служаночка была новенькой, еще не обтертой, а потому гордой... или, может, просто набивала себе цену. Жан хотел ей бусы подарить... деньги копил, чем-то приглянулась ему девчонка.

Зачем ему теперь эти деньги, если голова слетит вскорости?

Да и зачем она, голова такая, если ни к чему не годна? Правду говорили умные люди, сначала думать надо, потом делать. Вот и сиди теперь, если дурак, и соображай, как выкрутиться. И не вздумай рассказывать никому, потому что тогда уж точно – на виселицу попадешь, и то если повезет, а если не повезет, то в подвалы Особого отдела. А туда ему пока ой как не хотелось.

Кто его просил? Вот кто его просил?! Жан застонал от отчаяния и от души хлебнул пива. Закашлялся, выругался.

Если бы можно было вернуть время на неделю назад, отвести ту минуту, когда стояли они на вечерней поверке, и командир вместо слова «отбой» выкликнул семь фамилий – тех, кому на ночное дело идти предстояло. Он, дурак, еще порадовался – за такие дела платили отдельно. Это не редкость бывало в последнее время – ловим-ищем-конвоируем, на то и Особый полк, знали, куда идут. Жан все шутил – мол, еще десяток таких ночей, и на лошадь тетке заработаю.

У него, кроме тетки, сестры отца, никого на свете нет. И она, тетка, выходила его, когда он мальцом с родителями в ледяную воду опрокинулся, на ноги поставила, а потом вырастила, не дала с голоду помереть. Что ж он, свиньей неблагодарной будет? Вот и помогал чем мог. Благо, служить в Леррене оставили, а тетка в предместье жила.

Тетка, правду сказать, не бедствовала. Травы она знала, а потому едва ли не половина предместья к ней за советами бегали. Так бегали, что хозяйства своего она не вела – вроде и незачем, и так всего вдоволь. Но он, Жан, был бы последней скотиной, если б, уходя служить, забыл про нее. И вот – хоть и рекрут, а выбился в люди, в Особый полк взяли, ему за тридцатник уже, и уважают его в полку, и вроде как чин, поговаривают, вскорости ему светит. И бабы у него бывали – как же без баб? А все ж если лишний кусок или там денежка заведется – половину прогуляет, а половину тетке отдаст.

И надо ж было так вляпаться!

И вроде ничего особенного не было сначала в тот вечер. Все, как всегда – хватать-лови. Необычным стало, когда поняли они, что противник им достался не обычный. В одиночку против семерых отбиваться – это уметь надо. Тогда и зашевелилось у Жана предчувствие нехорошее – ох, не к добру это все. Да только там, на лесной поляне возле маленького дома, думать было некогда.

Сначала они сидели в засаде в густых зарослях возле охотничьего домика, ожесточенно матерились про себя на вечерних комаров да изредка перешептывались и перемигивались. Уже смеркалось, потянуло сыростью; сентябрь, хоть и самое начало – ночи стали прохладными, а роса выпадала раньше. Противно звенели в воздухе комары, ветер шумел листвой... тишина – такая, что Жан вздохнул неслышно: поди, бабы коров доят, вот мы молочка сейчас парного да на боковую, вместо чтоб тут торчать. Вот тогда и шепнул Жану на ухо молоденький Луи те странные и непонятные слова:

– Принца ловим...

– Какого принца, дурак, окстись – прошипел в ответ Жан и поймал негодующий взгляд старшего, сидевшего в зарослях напротив – мол, болтунам головы отвинчу.

– Того самого. Который королевский сын, – еле слышно прошептал снова Луи.

– Иди ты в баню, – отмахнулся Жан. – Шуточки нашел.

– Вот те крест, правда, – прошипел Луи. – Я сам слышал.

Жан нервами, а не слухом уловил справа злой шепот: «Да заткнетесь вы оба?!» и ткнул Луи в бок. Оба умолкли.

Не младенец он был, понял, о ком речь идет. Об этом принце у них в казарме последние два месяца много болтали. Еще б не болтать – из-за этого бывшего королевского высочества, будь оно неладно, полк переведен на усиленный режим, понагнали штабных крыс – все чего-то вынюхивают. Болтали мужики и про заговор против короля, и про суд – ну, то дело громкое было, потом даже указ зачитывали, про лишение прав и каторжные работы этим благородным. Жан тогда плечами пожал и из головы всю эту ерунду выкинул. Благородные дурят – их дело, а наше – сторона, лишь бы не трогали.

Но, шептались по ночам в казарме, не потому принца на каторгу упекли, что он отца убить хотел, а потому, что против воров был и за простой народ заступался. Жан не верил сперва – все они одним миром мазаны.

А потом король умер.

А потом герцог Гайцберг на трон взошел... а он, как ни крути, начальство самое главное. Подумаешь тут. Полку сразу получше стало – казармы почистили, жалованье подняли, кормить стали повкуснее.

Вот так и шептались они по ночам... месяца три, наверное, шептались. И кто бы знал, что им такая честь выпадет – прямиком в господские разборки угодить.

Все произошло так стремительно, что Жан не успел ничего понять. Только что видел легко идущую по тропе высокую фигуру... в сгущающихся сумерках смотрел на него из кустов, смотрел во все глаза – неужели правда он? Принца Жан помнил в лицо, еще б его не помнить.

Человек поднялся на крыльцо и после короткого стука шагнул внутрь. Дверь захлопнулась, и еще пару секунд было тихо – а потом изнутри послышался грохот, чей-то вопль, звон разбитого стекла. Из открытого окна сиганул человек. И они метнулись из кустов ему наперерез еще до того, как услышали:

– Не упустить! Живым!

Жан всегда фехтовал неплохо, он уже лет пять молодых учил, с какого конца за оружие держаться. Но тот, кого пытались они сейчас взять живым, был мастером далеко не средней руки. Они сумели окружить его и прижать спиной к березе, но на этом их везение кончилось – и уже трое валялись на траве, а этот все стоял. Сначала еще пытались обезоружить, но куда там – у парня, похоже, были насчет «взять живым» другие планы. Жану казалось, что перед ними не живой человек, а сам дьявол, потому что – вот же и кровью набухли сорочка и штанина, и перебитая левая рука висит плетью, а он все держится, и неужели не одолеть? Кто из них нанес те последние два удара? Старшой? Легран? И только когда они выдохнули, и опустили оружие, и медленно подошли, подкрались к лежащему на траве неподвижному телу, Жан сообразил, что еще не успело стемнеть – все это длилось едва ли несколько минут, а они показались ему часами.

Зато потом он сумел рассмотреть того, кого они убили – выпала возможность.

Старшой тянулся в струнку, оправдываясь перед Самим (остальные и смотреть-то на него боялись), а Жан стоял дурак дураком. Он едва расслышал приказ копать могилу, едва успел уловить брошенный на него строгий взгляд – старшой украдкой показал кулак: смотрите мне, чтоб все было как следует! Из оцепенения его вывел деловитый голос Леграна... так тихо стало на этой поляне, когда умолк вдали стук копыт, стихли голоса.

– Ну, давай, что ли? Где копать будем?

Жан подошел, присел на корточки рядом с убитым, осторожно перевернул его вверх лицом, стараясь не испачкаться в крови, и долго смотрел в неподвижное лицо. Один-единственный факел почти не давал света, и Жан все пытался понять – он или не он? Это худое, даже сейчас напряженное лицо, острые скулы, закрытые глаза, обведенные темными кругами... сколько осталось в нем от того мальчика, которого три года назад Жан видел на королевском смотре войск? Его высочество тогда улыбался и что-то говорил отцу... Он или не он?

– Может, вот здесь, под деревьями? Чтоб с крыльца не видать было...

Жан обернулся и пожал плечами.

– Не все ли равно...

Потом они, сбросив мундиры, рыли яму, и Жан матерился на неподатливую землю и на мешавшие им древесные корни. А когда они вдвоем перевернули тело и стащили в яму, солдат почувствовал непрощенную жалость. Да было ли ему хотя бы двадцать? Пусть и принц, пусть беглый каторжник, пусть отцеубийца, а все же – живой человек...

Знать бы еще, куда доведет его эта жалость! Когда Жан, засомневшись, прижал пальцы к жилке на шее принца и ощутил слабое, едва уловимое биение жизни, когда вырвалось у него «Зароем пустую яму!», Легран недоумевающее посмотрел на него.

– Спятил? А приказ как же? В Особый отдел захотел?

– Не по-человечески это, – упрямо повторил Жан. – Мы ж не изверги – дважды убивать. Жалко парня – мальчишка совсем...

– А себя тебе не жалко? Мне, знаешь, своя шкура дороже.

– Да не узнает никто...

– Ты дурак, Вельен, – сказал Легран. – А куда мы его денем? Оставим тут, что ли? Чтоб нам завтра шею намылили?

Жан потоптался, помолчал. Потом проговорил тяжело:

– Знаю, куда. Я сам. Я все сам. Ты... только молчи, ладно?

Легран скептически оглядел неподвижное тело.

– Не дотащишь ты его, по дороге сдохнет. Крови много потерял. Или перевяжи хоть...

– Чем?

– Да вон своей рубашкой, если такой добренький.

Спорить и выбирать было не из чего и некогда. Жан торопливо отодрал несколько полос от собственной нижней рубашки, один рукав оторвал от сорочки принца. Наспех, но как мог аккуратно перевязал раны на боку, на груди и у ключицы... а эти, мелкие порезы, и так ладно – запеклись, уже не кровоточат; главное – дотащить.

Они засыпали пустую могилу, сверху набросали травы, чтоб не таким заметным казался холмик. Отряхнули руки, оделись. Легран огляделся:

– Никого... Слушай, не валяй дурака, а? Огребешь ведь...

Он помог Жану взгромоздить на загривок тяжелую ношу и предупредил честно:

– Дальше – сам. Я промолчу, пока не спросят, но... ты понимаешь. На дыбу я не хочу.

Эта дорога показалась ему бесконечной. От имения графа Радича до предместья, где жила тетка Жаклина, было всего-то пара миль. Но ночью, да с грузом на горбу, да от каждого факела шарахаясь... Несколько раз Жан останавливался, опускал неподвижное тело в пыль, обессилено падал наземь рядом. И каждый раз иглой прошивал его страх – а ну, как зря? А ну, как мертвый уже? Торопливо прижимал он дрожащие пальцы к шее того, кого нес, матерясь про себя – и, уловив тоненькое биение жизни, крестился испуганно и облегченно. А лучше б, думалось теперь, если б ниточка та оборвалась – по крайней мере, бояться не пришлось бы, как боится он сейчас.

Бог весть как он не наткнулся на патруль, да как не остановил его никто, пока Жан – сам весь перепачканный кровью, уже почти безумный – не постучался в маленькое окошко дома на отшибе. Слава тебе, Господи, дом тетки был крайним на улице, а дальше – поля да перелески, а потом – тракт. Собаки брехали, конечно, но тетка не спала еще – быстро открыла дверь.

– Господи, – охнула она и всплеснула руками, – это что ж с тобой приключилось?!

– Не со мной, тетка, – выговорил Жан, отдуваясь, переступая через порог, сгибаясь под тяжестью ноши. Зазвенело попавшее под ноги ведро, Жан выругался. – Вот... помоги.

Жаклина без лишних слов ухватила, перекинула бессильно висящую руку через плечо. Скомандовала:

– На кровать давай...

Вдвоем они отволокли его в «чистую горницу», на единственную кровать. Тетка кровать эту берегла, на ней только гостей почетных укладывала – кума с кумой да его, Жана, когда он ночевать приходил. Эх, тетка, знала бы ты, кого теперь туда тащишь.

– Это кто ж такой? – отдышавшись, спросила тетка, быстро закрыла дверь и посмотрела на любимого племянника подозрительно. – Где взял?

Жан кашлянул смущенно, пригладил волосы, отряхнул мундир. Мимоходом подумал, что, наверное, весь перепачкался в крови. А что он мог ответить?

– Да шел, понимаешь, по улице... в патруле я сегодня. Смотрю, мили за полторы за Воротами лежит в канаве. По виду – благородный. Я и подумал: может, ограбили да бросили? А он живой вроде.

– А сюда-то зачем приволок?

– А куда его было, тетка? В город тащить – ночь, Ворота закрыты. А до утра он концы отдаст.

– А у меня если концы отдаст?

Жан сглотнул.

– Ты... а вдруг не отдаст? Ты ведь знаешь, чего и как. Ну, ты перевяжи его хоть. Очнется – чай, отблагодарит.

– Отблагодарит, как же, – проворчала тетка, занавешивая окошко и зажигая свечу. Взгромозила на печь котел с водой, сняла висевшую над косяком связку сухой травы. – Они, благодарные, так и ждут, чтобы спасибо сказать. Раз скажут – больше не захочется.

Она помолчала, подумала. Потом вздохнула, повязала передник, убрала волосы под платок.

– Ладно, Бог с тобой. Вдувай давай огонь да еще воды мне принеси. Ты, что ли, в карауле нынче?

– Точно, тетка. Хватятся меня... идти бы мне надо.

– Ничего, не убудет, успеешь. Ты мне хоть раздеть его помоги, а уж перевяжу я сама, и уберу все потом.

Она посмотрела на него – и охнула:

– А перепачкался-то как! Как же ты такой обратно придешь? Скажут – убил кого... Снимай-ка давай свою амуницию, я застираю...

– Да как же... А обратно я как пойду?

– Пойдешь. Я застираю, и пойдешь. Снимай!

Решительно засучив рукава, тетка прошла в горницу. Через несколько минут оттуда послышался ее голос:

– Надо ж, изверги, как изватляли человека. Ведь места на нем живого нет. Как еще жив до сих пор, не пойму я...

Жан вывалился от тетки совершенно измученный. Прислонился к плетню, поднял голову, посмотрел на темное небо, поежился. Надо бы торопиться, чтобы успеть до утра, но совершенно не держали ноги. Тряслись пальцы, очень хотелось закурить, а еще лучше – выпить. Выпить, напиться, ни о чем не думать, забыть все, как страшный сон. Дурак, мелькнула у него первый раз ясная мысль. Ох, и дурак.

Где-то в глубине души Жан подозревал, что еще не раз придется ему раскаяться в той непрошеной жалости. Но – назвавшись груздем, полезай в кузов. Что сделано, того не поправить.

Жан махнул рукой и побрел прочь по темной улице. Ладно, авось пронесет.

В казарму Жан вернулся перед рассветом. Зевая во весь рот, он брел по длинному коридору, мечтая, как сейчас угреется под одеялом и соснет еще хотя бы полчаса, а лучше бы совсем не вставать. За драную рубашку нынче влетит, и мундир до побудки высохнуть не успеет... где бы повесить?

Едва он сел на нары и принялся стягивать сапоги, как Легран, спавший рядом, зашевелился и открыл глаза.

– Ты как? – шепотом спросил он.

– Нормально все, – так же шепотом ответил Жан, падая и укрываясь одеялом.

Легран смерил его подозрительным взглядом и хотел еще что-то спросить, но Жан уже отвернулся и закрыл глаза.

Утром, только их выстроили на плацу, к командиру подбежал молоденький вестовой – взмыленный, запыхавшийся. Подлетел, вытянулся, что-то тихо сказал.

Старшой нахмурился.

– Таааак. Рядовой Вельен, рядовой Легран.

Двое переглянулись озабоченно и сделали два уставных шага вперед.

– Пойдете... туда, – старшой неопределенно мотнул головой куда-то в сторону.

Куда «туда», было и так понятно. После подобных ночных заданий отличившихся часто вызывали в это самое «туда», и каждый раз счастливики возвращались обласканные; реже – обруганные... реже – потому что обруганные обычно вовсе не возвращались, и о судьбе их предпочитали не спрашивать. В глазах оставшихся в строю товарищей по ночному делу Жан прочел откровенную зависть. И вздохнул.

– Нарвались, – прошипел Легран.

– Обойдется, – так же тихо процедил Жан. – Не бойсь.

О том, что сам боится до судорог, Жан, понятное дело, говорить не стал. Еще не хватало.

Коленки дрожмя дрожали, пока шли они – не к канцелярии, как обычно, а к двум оседланным лошадям, ждущим их у ворот. Пока ехали утренними улицами столицы, Жан все смотрел, смотрел на восходящее солнце. Неужели это последнее солнце в его жизни? Неужели их везут в тюрьму, из которой никогда не возвращаются?

А, в самом деле, куда они едут? Обычно с отличившимися беседовал или ротный, или – если уж очень важное дело – командир полка или какой-нибудь чин из Особого отдела. И далеко идти бывало не надо, а если кому-то требовалась конфиденциальность, то для такого дела как нельзя лучше подходил кабинет командира полка. Куда же они едут, думал Жан – и с замиранием сердца увидел, как их провожатый свернул к Башне.

«Кранты», – мелькнула мысль.

Солнце било в глаза, прорывалось в широкие, незавешенные окна в маленьком кабинете в совершенно неприметном здании, притулившемся рядом с Башней. Серый кабинет, серая мебель, серые стены. И высокий, худой, горбоносый человек в сером штатском костюме, профилем напоминавший хищную птицу, казался совсем не страшным – если не смотреть ему в глаза. А если посмотреть...

Не старшой, не командир – Сам...

Хорошо, что мальчишка не попал к нему живым, мелькнула у Жана совершенно неуместная мысль.

Гайцберг несколько секунд разглядывал их, вытянувшихся во фрунт, – как мух, наколотых на булавку. Затем негромко и коротко спросил:

– Закопали?

– Так точно, ваша светлость! – гаркнул Жан и принял вид совершенно придурковатый.

– Все сделали, как надо? – еще тише поинтересовался герцог, и взгляд его стал холодным и угрожающим.

Легран попытался что-то сказать, но из горла его вылетел сдавленный писк.

– Так точно, ваша светлость! – опять гаркнул Жан, глядя мимо герцога и еще больше дурея от страха.

– Вас видел кто-нибудь?

– Никак нет, ваша светлость!

«Молчи, – умолял он про себя Леграна, – только молчи, прошу тебя».

Легран молчал.

Герцог задумчиво прошелся по кабинету взад-вперед.

– Место запомнили?

Какой ответ ему нужен? Да или нет?

– Так точно, ваша светлость! – единственный выход – казаться полным идиотом.

– А ты? – поинтересовался герцог, останавливаясь напротив Леграна.

– Так точно, ваша светлость, – тихо промямлил он.

– Так вот, господа рядовые... Место это – забыть! Понятно вам? Выкинуть из головы, как будто его никогда не видели, как будто не бывали там вовсе. Про важность операции говорить не буду – не дураки, – Гайцберг с глубоким сомнением поглядел на Жана. – Про то, что молчать должны, тоже знаете?

– Так точно, ваша светлость!

Гайцберг поморщился.

– Если не хотите оказаться на дыбе, советую меньше пить.

– Почему? – осмелился пискнуть Легран.

– Потому что у пьяного на языке не всегда то, что надо, – снизошел до объяснений герцог – видно, настроение у него с утра случилось хорошее.

Он еще раз окинул обоих взглядом.

– Вот, возьмите.

Он швырнул им увесистый мешочек и усмехнулся:

– Поделите на двоих по совести. И впредь не врать, ясно? Благодарю за службу, идите, – буркнул он, отворачиваясь.

– Служим королю и короне! – выпалили оба, снова вытягиваясь.

Едва оказавшись на улице, Жан взвесил в руке мешочек – и сунул его Леграну.

– Ты чего? – опешил тот. – На двоих же...

– Бери, – тихо проговорил Жан и оглянулся. – Бери. Только молчи, ладно?

Легран поспешно сунул мешочек в карман.

– Куда ты дел-то его? – спросил он сочувственно.

– В канаву вывалил, – буркнул Жан. – Куда его еще девать. Может, подберет кто. А нет – ну, туда ему и дорога...

* * *

Самое тяжелое занятие на свете – ждать. Ждать – и неважно, хорошего или плохого. А если и первое, и второе переплетаются, и не знаешь, что за чем последует, то жизнь вообще прекрасной покажется... сначала, а через минуту ты поймешь, что ошибся.

Ждать лорд Лестин умел, но не любил. Правда, за последний год он здорово этому научился.

Нельзя сказать, что старый лорд вел себя нетерпеливо или роптал на судьбу. Внешне невозмутимый, спокойный и уравновешенный, он мог дать фору любому царедворцу. Но разве это поможет? Можно спрятать, скрыть нетерпение в голосе или дрожание пальцев, но как скроешь стук сердца?

У лорда Лестина не было ни детей, ни семьи. Может быть, поэтому, думал старый воспитатель, он был так привязан к своему воспитаннику. Вернее, это сначала он думал, что поэтому. А потом просто понял, что будь у него сын, он любил бы воспитанника не меньше. Подчас он понимал короля Карла, который бешено орал на сына, но так же бешено гордился им. Он тоже гордился. Всегда. Каждую минуту. И ждал.

Вот и теперь оставалось – ждать...

Еще одна ночь – и все будет хорошо.

...Лестин ждал до утра, вздрагивая от каждого шороха, то и дело вскакивал, подходил к окну и, прячась за тяжелыми шторами, всматривался в черноту улицы. Ждал – сначала знакомых шагов, потом – топота солдатских сапог, потом уже вовсе неизвестно чего, но ждал – и только на рассвете забылся недолгим сном, свернувшись в три погибели в кресле, свесив голову на плечо и открыв рот во сне.

Утром лорд Лестин понял, что ожидание напрасно и Патрик не придет. И нужно ехать во дворец, потому что нужно... А потом обрадовался: ну, конечно же! Патрик встретился с

Марчем, все хорошо, но было слишком поздно уже, и они остались в городе. И сейчас все разъяснится, нужно только увидеть Марча...

И утро было таким хорошим, прохладным по-осеннему и ясным, так рвалось с небес солнце, обещая светлый день, что лорд Лестин приободрился. Дорога до дворца даже не показалась ему такой длинной, как вчера. Улицы Леррена сияли, умытые предрассветным дождеком. Отпустив кучера и наказав ему вернуться ко дворцу к вечеру, Лестин крикнул и пригласил бороду. И чего волновался, старый дурак? Марч наверняка уже здесь...

Лорд Марч действительно был здесь – они столкнулись в коридоре, Марч шел с кипой каких-то бумаг, хромя и припадая на покалеченную когда-то ногу. И посмотрев на тщательно выбритое его лицо, на котором сквозь слой пудры все-таки проступала усталость, встретив измученный и растерянный взгляд, Лестин все понял. Они прошли друг мимо друга, только коротко поклонившись на ходу. Но в ту минуту, когда они встретились глазами, Марч едва заметно покачал головой.

Лестин кивнул сухо – и свернул к лестнице. Солнце померкло. Постоял у перил, морщась и потирая левую сторону груди – что-то стало побаливать сердце. И пошел тяжело по ступенькам вверх – в покои Его Величества короля Августа.

Малыш лежал в жару, полуприкрытый легкой простыней, откинув голову. Он уже несколько часов никого не узнавал. Бесшумно суетился у его постели лекарь, темно-малиновые шторы были задернуты, горели несколько свечей. Пахло воском, лекарствами и молоком. Большой плюшевый медведь сидел, одиноко растопырив лапы, в кресле в углу; на ковре у входа валялись бумажные голуби.

Запекшиеся, обметанные лихорадкой губы, прикрытые глаза, обведенные голубоватыми тенями, тонкая шейка вся в ярких пятнах сыпи... Его Величество король Август Первый Дюваль, малолетний правитель Лераны... мальчик шести лет от роду.

Когда Лестин, стараясь ступать по ковру неслышно, подошел к огромной кровати, от полога отделилась невысокая фигурка. И только по шороху платья и золотым волосам лорд Лестин узнал Изабель – так осунулось и похудело за эти дни ее лицо.

– Как он? – едва слышно спросил лорд.

– Плохо, – так же полупшепотом отозвалась принцесса.

– Что говорят лекари?

Изабель молча покачала головой. И понимай как хочешь...

Старый лорд осторожно коснулся ее руки, успокаивая и утешая. Глаза принцессы были сухими, губы твердо сжаты – и только теперь Лестин увидел, как изменилась и повзрослела Изабель за это время. Одетая она была очень аккуратно и строго, волосы стянуты в узел на затылке, поверх платья – передник сестры милосердия, но главное не в этом – по-взрослому усталыми и твердыми стали прежде веселые ее глаза. Горькая жалость и тяжелая ненависть толкнулись в его душе. Эх, девочка, девочка, да по силам ли тебе... тебе – и этому ребенку, ставшему игрушкой в руках жадных до власти взрослых.

– Как себя чувствуют их высочества? – так же негромко спросил лорд.

– Они сейчас в детской, – отозвалась Изабель, – с мадам Фивен. Занимаются рисованием. Мессир Тюльен опасался за их здоровье и распорядился удалить девочек подальше, но теперь, кажется, опасности нет. Их высочества чувствуют себя хорошо.

– А вы?

Девушка пожала плечами:

– Я болела scarлатиной в детстве и поэтому могу не бояться.

И прерывисто вздохнула. Видно было, что она очень устала, и Лестин решил предложить:

– Быть может, вам следует пойти отдохнуть, ваше высочество?

– Да, – кивнула принцесса, – скоро я уйду и вернусь только к ночи. – И добавила, помедлив, тихонько: – Я не хочу оставлять его на ночь одного...

Понятно, подумал старый лорд. Не «не хочу», а «боюсь» – вот что она хотела сказать.

Изабель быстро огляделась – и сделала знак лекарю выйти, тот послушно попятился за дверь. Принцесса коротко вздохнула, шагнула еще ближе, так близко, что лорд Лестин ощутил слабый запах ее духов и дыхания.

– Лорд Лестин... – она говорила едва слышно. – Есть ли вести от моего брата?

Бог весть, как сумел он сдержать изумленный вздох и не выдать себя. Откуда она узнала? Ведь не могла же она видеть их встречу на рассвете, а рассказать... некому ей было рассказывать...

Или – сердцем поняла?

Или – мелькнула мысль – провокация?

– Что вы, ваше высочество, – ответил он так же вполголоса. – Откуда – у меня? Вам бы следовало обратиться к лорду-регенту...

Изабель махнула рукой. Потом коротко усмехнулась:

– И вас запугали?

– Простите, ваше высочество, я не понимаю вас...

Все он понимал, конечно. И жалко ему было девочку, но... нельзя же, никак нельзя. Хотя бы еще несколько дней – пока не разъяснится, где же Патрик.

Темные глаза принцессы метнули гневные искры.

– Не ожидала от вас, – так же тихо, но твердо и зло отчеканила она. – От вас – трусости не ожидала! Даже лорд Марч...

Не договорив, она отвернулась. Поправила простыню на маленьком тельце и, не глядя, бросила:

– Уйдите, пожалуйста, лорд Лестин. Здесь нельзя... ему не нужны лишние.

Старый лорд грустно и понимающе усмехнулся. Все было сказано предельно ясно.

Тем же вечером лорд Лестин задержался во дворце. Вроде и ни за чем... то бумаги разронял и собирал долго и тщательно, то в коридоре его кто-нибудь да перехватывал... каждому по слову – полчаса долгой. А потом он вдруг в библиотеку решил завернуть... куда-то из дома делся сборник афоризмов, а вот куда? Библиотекарь же лорда Лестина знал давно, тот пользовался неограниченным доверием, и искомый сборник был найден очень быстро и торжественно выдан – под честное, конечно же, обещание вернуть через неделю.

Потом Лестин еще какое-то время бродил между полок, склоняя голову к плечу и рассматривая корешки. За дальней полкой, прямо возле стены лорду встретился маленький, неброско одетый человек. Они обменялись парой слов, Лестин вытянул с полки сборник законов, изданный при Карле Первом, и спокойно пошел обратно.

Следующие два дня во дворце странным образом сочетались приглушенная, почти траурная тишина – и суматоха. Нет, работа Совета шла в обычном режиме, и маленький король, как и прежде, упоминался лишь в бумагах, где рядом с его именем стояла всегда роспись лорда-регента. Но шепот, но слухи, но сплетни за углом, за задернутыми шторами, за полуприкрытыми дверями! Но деньги, переходящие, позвякивая, из рук в руки! Но гаденькие ухмылки тех, кто уже мысленно делил новые кресла! Лорд Лестин с радостью уехал бы – если бы мог. Было нельзя.

Каждый вечер Лестин наведывался в библиотеку, жалуясь на мерзавца кота, решившего поточить зубы о книжные полки в его доме и испортившего половину ценных книг. Давно бы выкинул животину на улицу, да мышей ловит отменно. Неброско одетый человек ожидал его между полкой и стеной – и отрицательно качал головой:

– Пока ничего, ваша светлость. Как сквозь землю провалился...

– В мертвецких юноши такой внешности не обнаружено, – сказал он на второй день.

– Нет, ваша светлость, в городской тюрьме его тоже нет, – услышал лорд третьим вечером. – Но... вы же понимаете – есть еще и Башня. И если вы настаиваете...

– Настаиваю, – глухо уронил Лестин и вышел из-за полок, прижимая к себе первую попавшуюся книгу и морщась.

Три дня он словно случайно встречался в коридоре на ходу с лордом Марчем, и три дня оба отрицательно покачивали головой и отводили глаза. Нет? Нет, а у вас? И у меня тоже нет. Точно нет? Да куда ж точнее...

В груди – там, где должно быть сердце – застрял ледяной комок.

В понедельник утром, как обычно, в десять, Совет собрался в Малой Зале. Ждали только лорда-регента. Лорды разбились на группки, перешептываясь тихонько, и Марч – вроде бы случайно, на ходу – оказался рядом с Лестином.

– Что? – шепнул он, останавливаясь и отряхивая камзол от невидимой пыли.

– Ничего, – так же тихо ответил Лестин. – А у вас?

– Кое-что, – прошептал Марч. – После.

Лестин кивнул – и обернулся к лорду Седвику, введенному в Совет совсем недавно:

– Лорд Седвик, видели ли вы сегодня...

Договорить он не успел – высокие двери распахнулись, в комнату быстрым шагом вошел, почти влетел Гайцберг. Лорды вытянулись, приветствуя регента.

Усаживаясь за стол на обычное свое место – почти у самой двери, лорд Лестин подумал, что сегодня герцог выглядит на удивление хорошо: свежий, отдохнувший, и глаза горят довольным светом, а не мрачным, почти больным огнем, как все последние месяцы. Подумал еще: интересно, сам-то он со стороны на кого похож – на филина при дневном свете или на ошипанного петуха? И усмехнулся неожиданному сравнению.

Лорд-регент вытащил из принесенной с собой папки кипу бумаг, разложил их на столе.

– Итак, господа, сегодня на рассмотрении два вопроса, – начал он. – Но прежде – чтобы потом не забыть за текущими делами – хочу сказать, что с сегодняшнего дня комендантский час в столице отменяется. Усиленный военный патруль в провинциях пока оставим, но, думаю, это ненадолго. Надеюсь, что к середине осени страна вернется к нормальной жизни.

– Почему? – спросил кто-то из середины стола.

– Бежавший с каторги государственный преступник, бывший наследный принц Патрик Дюваль несколько дней назад был обнаружен, – спокойно ответил герцог. – При аресте он оказал сопротивление и был убит. Так что... – Гайцберг развел руками, – можно сказать, все кончено.

В комнате повисла тишина.

– А... виконт Дейк? – осторожно спросил чей-то голос.

– Дейк еще не найден, и именно поэтому мы пока не отменяем патрулирование. Но я думаю, это вопрос нескольких дней, недели от силы. И тогда, наконец, мы сможем вздохнуть спокойно.

Тишина. Муха пролетит – слышно.

– Милорд, – робко проговорил другой голос, – не стоит ли известить об этом королеву? Все-таки... сын.

– Вы правы, – подумав, кивнул герцог. – Сегодня же после Совета я принесу Ее Величеству свои соболезнования.

Еще пару секунд – тишина.

Потом лорды загудели, запереговаривались.

– Лорд Лестин, – позвал регент, и все снова стихли. – Я выражаю также и вам свое соболезнование – как наставнику его высочества. Я знаю, как вы были привязаны к принцу в свое время. Но... такова жизнь.

Очень спокойно и неторопливо Лестин поднялся и поклонился герцогу.

– Благодарю, милорд. Я действительно любил Патрика и мне искренне жаль, что он погиб. Но, как вы правильно изволили заметить, это жизнь. Мне жаль, что все случилось именно так.

Еще раз поклонился – и сел, спокойный, равнодушный, седой. Несколько секунд все глаза были устремлены на него.

– Ладно, господа, – заговорил, наконец, лорд-регент, – давайте продолжим.

Лестин позволил себе перевести взгляд с Гайцберга на лорда Марча. Тот только что чихнул и теперь невозмутимо рылся в карманах, ища носовой платок. Потом поднял голову. В глазах его Лестин прочел чистейшее, черное, не произносимое никакими словами отчаяние.

После окончания Совета лорд Лестин снова пошел в библиотеку. Нужно вернуть эту книгу, потому что мало ли как повернется дело. Какую книгу? Почему в библиотеку? Споткнувшись на ступеньках, старый лорд прошел еще несколько шагов и остановился. Куда это он попал? Коридор, ведущий к библиотеке, совсем в другой стороне; и только спустя несколько секунд Лестин понял: он идет в покои принцессы.

Почему-то ему нужно было увидеть ее... Уже дойдя до комнат Изабель, Лестин вдруг заметил, как здесь сегодня тихо и пустынно. Не смеются в уголке фрейлины, не слышно голосов маленьких принцесс. Уехала? Куда? Снова у Августа? Но куда в таком случае девались все остальные: слуги, камеристки, фрейлины?

Он растерянно прошелся взад-вперед по коридору и заметил, что дверь в малую гостиную приоткрыта. Лестин осторожно постучал; прошло полминуты, когда изнутри донесся слабый голос:

– Кто там?

– Ваше высочество, это Лестин. Могу я войти?... – Лестин заглянул, потом вошел и неслышно притворил дверь.

Принцесса сидела на диване, сложив руки на коленях, выпрямившись, глядя в никуда. На побледневшем лице ее застыло странное отрешенное выражение, пальцы сжимали ткань светло-бежевого платья, отороченного коричневыми воланами. Узел высокой прически развалился, и светлые пряди упали на плечи, но девушка словно не замечала этого.

– Простите меня, ваше высочество, не могли бы вы уделить мне несколько минут? Мне необходимо поговорить с вами.

– Позже, – коротко сказала Изабель, все так же не глядя на него. – Сейчас я занята. Прошу вас, уйдите, лорд Лестин.

Лестин пригляделся к ней. И понял: знает.

Глаза ее были сухими.

– Я хотел сообщить вам печальное известие, – осторожно начал он, – но теперь вижу, что вы уже....

– Я уже знаю, – спокойно ответила Изабель. – Мой брат погиб. Лорд-регент сообщил мне об этом сегодня. И был столь любезен, что даже принес мне соболезнования. Разумеется, частным образом, – прибавила она с короткой усмешкой, стискивая пальцы.

– Ваше высочество...

Изабель встала, неторопливо прошла взад-вперед по комнате. Фигура ее, закованная в панцирь корсета, была прямой и гордой.

– Не волнуйтесь за меня, Лестин, я в полном порядке, – спокойно и ровно сказала она.

На мгновение лорду показалось, что перед ним королева Вирджиния – таким холодом повеяло от девушки.

– Это все, что вы хотели сообщить? – спросила Изабель, равнодушно глядя на Лестина.

– Да, ваше высочество. Простите меня...

– В таком случае я вас больше не задерживаю.

Глаза ее – темно-карие, прежде теплые – теперь показались Лестину двумя кусками льда.

* * *

В начале сентября 1598 года от рождества Христова Иветта Радич, дочь графа Карела Радича, умерла. Никто не знал об этой смерти, а если бы и знал, не поверил бы, потому что официально Иветта Радич погибла год назад. Но на самом деле умерла она именно этим теплым, ясным сентябрем, ночью, на поляне возле охотничьего домика в имении своего отца.

Ее больше нет. Она убита. Больше ничего нет. Ни жизни, ни радости, ни горя. Просто пустота. Зачем нужно куда-то идти и переставлять ноги, если гораздо проще сжаться в комок и не двигаться, не шевелиться; закрыв глаза, остаться в пустоте и тишине... И увидеть Патрика. Живого, настоящего. Он смеется и говорит ей, что это ошибка, что он жив и скоро найдет ее...

...Вета очнулась в поле, в каком-то стоге сена, куда она зарылась, спасаясь, видимо, от ночной прохлады. Как она попала в это поле, в этот стог, где это? Она не знала. Прележав всю ночь там, на поляне, где остался Патрик, ранним утром она поднялась и, шатаясь, словно пьяная, пошла, едва переставляя ноги, сама не зная куда.

Где-то, наверное, она потом ходила, но где? И сколько? Из забвения ее выводил голод. Жестокий, почти звериный голод; он заставлял тело двигаться почти инстинктивно, идти куда-то, чтобы только добыть еду.

Время спуталось, дни то тянулись, то мелькали минутами. Вета то впадала в беспамятство, то, выныривая на поверхность, с удивлением обнаруживала, что уже давно день, а она лежит где-то в траве, то – что смеркается и надо бы где-то укрыться на ночь, но тут же ей становилось снова все равно, и она опять впадала в оцепенение. Иногда вдруг точно просыпалась и вспоминала все, что случилось, и начинала рыдать так, что казалось – вот-вот разорвется сердце, и это будет даже лучше, потому что как она может жить одна, без Патрика, без того, кто был смыслом ее жизни. Наплакавшись, снова уплывала куда-то в тяжкую дрему... и все повторялось без конца.

Правда, несколько раз она все-таки ухитрялась каким-то образом снова попадать в свой стог – значит, все-таки запомнила дорогу и возвращалась.

Иногда она обнаруживала себя в каком-то грязном трактире жующей хлебную корку или похлебку – значит, ее кто-то кормил или она сама покупала еду. Иногда сквозь туман проплывали какие-то лица – брезгливые, удивленные, равнодушные, злые... что-то кому-то она говорила, хватая за руки, а ее отталкивали... что это было, кто это был?

Не все ли равно...

Лечь бы. Уснуть. Умереть. Уйти туда, где ждут ее Патрик и мама. Только голод, постоянный мучительный голод заставлял ее двигаться.

Ушли все, кого она любила. Нет матери. Нет Патрика. Нет... отца тоже нет. Он отрекся от нее, он предал.

Так минуло сколько-то времени, когда однажды ночью Вета проснулась и поняла, что спать больше не может, а голова, несмотря на острую, почти физическую боль в душе, ясная, и способна соображать. И слез нет – видимо, кончились, и хотелось бы заплакать, но не получается. Какое-то время она ворочалась в своей сухой и колючей постели. А когда снаружи запели птицы, выползла и огляделась.

Поле. Жесткая стерня, невдалеке еще несколько стогов, небо розовеет на востоке, день будет ясный. Где-то неподалеку журчит ручей. Слышен крик петуха и мычание коров – значит, деревня близко. Хочется есть и пить. Холодно. Вета поежилась, села на землю, подгребла под себя сено, укрыла рваным подолом босые ноги, привалилась спиной к стогу.

...Что делать?

Лучше всего было бы уйти вслед за Патриком, но раз это нельзя... значит, нужно жить дальше. Но как, как?

Чтобы выжить, нужна еда и крыша над головой. С едой – пока – проще: у нее еще остались деньги, взятые у отца. Крыша над головой... еще тепло, осень только началась, но – осень же, а потом будет зима. Нужно где-то укрыться.

Если бы можно было всегда жить в этом стоге сена... если бы можно было не жить вообще. Ну, или хотя бы свернуться клубком, зарывшись в пахучие жесткие стебли, и не двигаться, не шевелиться. Нельзя. Потому что каждый день ее выгоняет наружу голод, гораздо более сильный голод, чем обычно – это маленькое существо внутри заявляет о своем праве на жизнь.

Куда идти? Что делать?

К отцу нельзя, теперь Вета это понимала. Если он заодно с Гайцбергом, нет оснований думать, что он не выдаст. Если ее убьют – пусть, она была бы даже рада. Но маленький... он-то чем виноват? Только тем, чей он ребенок? А еще – Вета боялась того, что станут пытаться перед смертью. А эти ведь станут...

Попытаться уехать к дальним родственникам? Но все уже знают, что Вета Радич погибла, и если теперь она явится к ним, это может вызвать тысячу ненужных вопросов о том, кто отец ребенка. Ну, или догадок, если они окажутся деликатными и с вопросами не полезут. Да и все равно спросят: а что же ты к отцу не идешь, милочка?

И никого из прежних друзей или знакомых она не могла найти по той же причине...

В монастырь? Но ведь ребенок...

Попытаться найти лорда Лестина? Вета боялась. Он либо уже арестован, либо ждет ареста, а значит, помочь ей ничем не сможет, скорее наоборот... А больше – к кому? Марч арестован тоже, сказал тогда герцог, а всем остальным доверять нельзя.

Значит, выходило одно: скрыться, затаиться, отречься от прежнего имени и титула, стать обыкновенной горожанкой или крестьянкой, как повезет. Родить и воспитывать ребенка в простой избе и, наверное, так никогда и не открыть ему настоящего имени отца. Вета горько усмехнулась. Крестьянка из нее... за всю их долгую дорогу до Леррена им ни разу не удавалось обмануть никого из тех, у кого останавливались они с Патриком на ночлег. Если уж безграмотные, невежественные люди догадывались, то...

Но иного выхода нет.

Нужно попытаться устроиться где-то служанкой. За еду и крышу над головой, даже без денег, потому что кому нужна беременная? Дождаться, когда родится маленький, а там... решить, что делать дальше. Она умеет мыть полы и стирать, вышивать и шить, немного знает травы. В конце концов, все лето как-то они выкручивались, неужели она ничего не сможет найти? Теперь она обязана жить – ради ребенка...

Вета спустилась к ручью и долго-долго умывалась, словно пытаясь соскрести с лица следы слез. Очень хотелось есть.

* * *

Тетка Жаклина колола дрова. После каждого удара она охала и, схватившись за больную поясницу, поминала нечистого и грехи свои тяжкие. Впрочем, при взгляде на нее Жану сразу стало ясно – не в пояснице дело и не в грехах. Просто тетка с утра очччень сильно не в духе.

Ему дали увольнительную через четыре дня после того ночного задания, раньше обычного срока – видно, слух о герцогской награде дошел до начальства. А может, просто приказ пришел – наградить. Всю семерку, бывшую в поместье графа Радича, утром отпустили до полуночи – троих даже вне очереди. Счастливики громко хохотали и завистливо поглядывали на Леграна и Жана – видно, и о деньгах уже тоже прослышать успели. Кое-кто громко намекал, что неплохо бы и проставиться. Жан отшучивался. Легран кисло улыбался.

– Эй, Вельен, а ты куда? – окликнули его, едва лишь вся семерка вышла из ворот на улицу. – Ты разве не в кабак?

– Потом, – отмахнулся Жан. – Я к тетке зайти обещался... попозже приду. Вы там для меня местечко придержите.

Над ним позубоскалили, конечно. Что не к тетке он идет, наверное, а к девке. Что подцепил кралю, а делиться не хочет. Что тетушкин племянник и пора бы не сидеть под подолом – чать, четвертый десяток мужику. Но зубоскалили не сильно. Все знали, как привязан к тетке безродный парень, как любит ее, да и теткыны пирожки вся казарма тоже едала не раз и облизывалась перед всяким увольнением. Авось, и в этот раз принесет?

Жан шагал по улицам столицы, а на душе у него было холодно и тяжело. Солнце светило – яркое, уже осеннее, под порывами ветра ложилась под ноги листва. Он не слышал, не видел; его толкали в бок и обзывали дураком, два раза он споткнулся, переходя улицу, а потом наткнулся на патруль («а ну дыхни... да вроде не пьяный. Слышь, солдат, у тебя все хорошо?»). Эти дни он жил, словно не в себе, так что в полку приглядывались к нему – не заболел ли? Да не заболел, что вы... а только теперь он стал понимать, что натворил. Свою голову в петлю сует – черт бы с ней. Но ведь он и тетку подставил не слабо. А ну как дознается кто, что за человек помирает у знахарки Жаклины? А ну как донесут? Герцог... глаза-то какие – ночью приснятся, со страху взвоешь. Про дыбу он говорил... Ох, грехи наши тяжкие.

А что делать-то было, мысленно заспорил Жан сам с собой. Что было делать? Не в канаву же его бросать было, в самом-то деле...

Пусть, мелькнула мысль. Если вдруг чего – сам пойду признаваться. Всю вину на себя возьму, но тетку выгорожу. А может, и обойдется. Вряд ли его искать теперь станут... только если могилу раскопают. А где могила, никто не знает, кроме них с Леграном. Долго ли сказать, что забыл?

Свежий холмик, запах земли. Тусклый свет факела. Залитое кровью тело, худое лицо... Принц наследный, беглый каторжник... зачем я пожалел тебя, зачем?

А тетка Жаклина колола дрова. Маленький двор выглядел, как и обычно, ухоженным и опрятным; алели астры в палисаднике. И все у нее было спокойно – ни погромов, ни бурь. Если, конечно, не считать бури в глазах тетки.

– Давай, что ли, помогу, – Жан подошел и отобрал у нее топор.

Жаклина разогнулась, охнула. Уперла руки в бока, потом вырвала у ненаглядного племянника топор:

– Иди уж. Помогальщик нашелся. Помощи от тебя, что с козла молока.

– Ты чего, – спросил чуть удивленно Жан, – ругаешься на весь двор? Хочешь костерить – так не при людях. Пойдем, что ли, в избу?

Тетка аккуратно собрала разбросанные поленья, положила топор и молча прошествовала по двору к дому. Пропустила Жана в сени, зачем-то тщательно заперла дверь, в кухне занавесила окна и оглянулась. И только потом пошла на Жана с кулаками, приглушенно ругаясь:

– Ты кого же это приволок ко мне, идол, лихоманка тебя забори?

– А что? – Жан отступал, ошарашенный ее напором, пока не ткнулся спиной в дверь. – Да что с тобой, тетка?

– Что? Он еще спрашивает! Зачем лапшу на уши вешал: благородный, мол? Какой же он благородный? Хоть бы подумал прежде, кого волочь!

Жан вывернулся, отскочил к окошку, сел на лавку.

– Ну, чего ты? Не ты ли сама мне говорила: перед Богом все люди?

– Люди-то люди, да... – тетка вытерла передником руки и устало присела на лавку рядом с ним. – Ты спину-то его видел? А руки? Я в ту ночь, пока мыла его да вертела, насмотрелась. Это ж беглый каторжник.

– Да ведь все равно живая душа...

– А если найдут его у меня? – умоляюще прошептала тетка, оглядываясь. – А если соседи донесут? Сыску ведь до факела, что всем помогать надобно. А у меня дом. У меня хозяйство. А ну как отымут все – как я тогда жить стану? А если вслед упекут – за укрывательство?

Жан беспомощно посмотрел на нее и плотнее задернул занавеску на окошке.

– А ты, тетка, не говори никому. Мол, так и так, знать не знаю, ведать не ведаю. А оклемается чуток – я его спрошу, что да как, да выведу. Ты, главное, жизнь в нем удержи, а там видно будет.

– Да тебе-то что за печаль? – удивилась Жаклина, вставая. – Не брат тебе этот бродяга, не кум и не друг. Чего ради ты об нем так печешься?

Как он мог ей объяснить?

– Ты, тетка, молчи. Выкарабкается если – спасибо скажу. Нет – ну, значит, судьба его такая. Жалко мне его, – признался Жан. – Мальчишка совсем... куда такому умирать? Как он? Много... сильно порезали?

Жаклина махнула рукой.

– Плохо. Плечо насквозь пробито, рука сломана, пара ребер, кажется, тоже, и по голове, видно, получил. Один удар вообще в бок, чудом внутри ничего не прошел, вскользь пришелся. Ну и так, по мелочи всего много – порезы да царапины, синяков изрядно. Крови он много потерял, оттого слабый, да раны не промыли вовремя.

Она прошла в горницу, постояла над лежащим.

– По виду-то и правда благородный, – проговорила задумчиво. – Вон, кость узкая, пальцы длинные, и красивый... да и одежда на нем благородная. Как же он на каторгу попал? И как я его спрячу, если придут? Ведь он стонать будет. Да и от соседей шила в мешке не утаишь.

– Ничего, тетка, – буркнул Жан. – Как-нибудь. А дело это божеское. Ты уж не ругайся... едва на ноги встанет – заберу я его, обещаю. А пока... выходи. Не дело это – в беде бросать...

Тетка молча смотрела на него.

– Ох, чует мое сердце, неспроста ты так хлопочешь, – проговорила она медленно. – Ну да уж ладно, душа моя, ради тебя разве – оставлю. Только смотри мне... смотри.

А он и так смотрел... Хорошо смотрел, особенно той ночью. О чем он думал, дурак? Чего ради повесил себе на шею этакую обузу? Ведь права тетка – стоит кому узнать... По лезвию ходишь, солдат, по самому краешку.

Негромкий стук в дверь заставил обоих вздрогнуть. Тетка метнулась к занавеси, прикрывавшей вход горницу, и поспешно задернула ее. Стук был неуверенным и робким – так не стучат наделенные властью, так просители стучат.

– Открыть? – одними губами прошептал Жан.

– Открой уж, – махнула она рукой.

У тетки вырвался вздох облегчения, когда на пороге появились не бравые усачи с ружьями наперевес и не незаметные штатские с холодными глазами. Худенькая, невысокая девушка в одежде крестьянки шагнула в комнату вслед за Жаном и поклонилась неуверенно.

– Чего надо? – неприветливо спросила Жаклина.

Девушка – да где там, девчонка совсем, на вид лет семнадцать – чуть повернулась к ней, поправляя выбившиеся из-под чепца пепельные пряди.

– Тетушка, вам работница не нужна? – голос ее звучал напряженно и испуганно. – Могу стирать, мыть... шить немножко...

– Иди, откуда пришла, – поджав губы, проговорила тетка. Она злилась на себя за недавний страх и всеми силами старалась это скрыть. – Не нужно, сами справляемся.

– Может, поденная какая работа есть? – чуть тише спросила девушка.

– Не надо, сказала. Пошла вон!

Большие зеленоватые глаза крестьянки странно заблестели, острое личико, усыпанное веснушками, затвердело.

– Я и вышивать могу. Возьмите, тетушка, не пожалеете! Я совсем мало ем...

– Неясно сказано? – со злостью осведомилась тетка. – Пошла вон, пока не выставила за порог.

Девушка опустила голову. Худая, ломкая ее фигурка поникла.

Из-за занавески послышался неясный вздох.

– Вам, может, лекарь нужен? – снова вскинула голову девушка. – Я травы знаю...

– Сами справляемся. Уходи!

Тетка быстро поддернула занавеску и двинулась на пришедшую, оттесняя ее за порог.

– Иди давай, иди. Без тебя справимся. На вот, – она схватила со стола краюшку хлеба, оставшуюся после завтрака. – Иди. У соседей спроси, а мне не надобно.

А едва за незваной гостьей закрылась дверь, как она обессилено рухнула на лавку.

– Вот, видал? И как мне его прятать прикажешь?

– Жалко девчонку, – пробормотал Жан.

– А не пошел бы ты со своей жалостью! – разозлилась тетка. – Жалостливый какой нашелся на мою голову! Одного приволок, второго пожалел... иди вон, за свои гроши жалеи. Жалельщик, тоже мне!

Она вдруг поникла.

– И мне жалко, – призналась неожиданно. – Девка-то, похоже, того... по лицу видать – дите ждет.

– Да брось, – усомнился Жан. – Пуза нет.

– Пузо – оно не сразу на нос лезет, – усмехнулась тетка. – Срок там маленький, да я-то вижу. Не след бы, конечно, бросать такую. Кабы не твоя находка, пустила б я ее... тем более – говорит, травы знает. Я давно себе помощницу приглядывала. А теперь... ах, да что там! – она махнула рукой. – Бог простит. Эта на ногах, найдет, где голову приклонить.

Весь день Жан, чтобы умаслить тетку, вел себя, что называется, тише воды ниже травы. Пришлось забыть про кабак и товарищей; не последний раз, небось. Он наколол целую поленницу дров. Починил ступеньку у крылечка – давно собирался, все руки не доходили. Наносил воды с запасом, исправил крючок на калитке, даже старался не шуметь и не топтать, да и вообще без надобности в дом не совался – работал на улице, чтоб лишний раз на глаза тетке не попадаться.

Потом он помогал Жаклине перевязывать раненого: подавал чистые холсты, держал его, чтоб не дергался, таскал туда-сюда чашки с отварами. И отводил глаза: раны и вправду были страшными. Выживет? Не выживет? Если выживет, то простит, не может не простить: должен ведь понимать, не по своей они воле...

Уже стемнело, они уже собирались ужинать, когда услышали снаружи слабый, едва различимый звук. Жан прислушался – звонили колокола. Странно... для церковных праздников не время, рожать королева вроде не собиралась – возраст не тот. Мелькнула шальная мысль – уж не по нему ли звонят, не по тому ли, что лежит сейчас у тетки в горнице между жизнью и смертью... так ведь он вроде жив еще, да и вряд ли по нему звонить будут, все тихо-тайно сделали.

– Чтой-то? – пожала плечами Жаклина в ответ на изумленный взгляд племянника. – Опять, поди, кто-то помер у господ. Да нам-то что с того? Ешь, душа моя, тебе ж уходить скоро.

В казарму Жан нарочно пошел длинной дорогой, чтоб послушать, что делается в городе. Но в городе было тихо. Дело к полуночи – порядочные люди спят уже в это время, ночная стража уже обошла улицы, пьяные у трактиров орут обычным порядком, да и ночные бабочки поджидают клиентов не больше и не меньше, чем в любое другое время. Впрочем, чем ближе к центру Леррена, тем тревожнее становилось: дважды Вельена остановил патруль, проверив, кто такой и куда идет, и непривычно людно было на улицах – туда-сюда то и дело носились

курьеры, кареты, какие-то непонятно-озабоченного вида личности, закутанные в плащи, из-под которых виднелись ножны.

Казарма уже спала, но когда Жан, доложившись дежурному, стянул сапоги и упал на нары, лежащий рядом Легран зашевелился:

– Что так долго-то? – прошептал он.

– Разве долго? – удивился Жан. – Как положено, в полночь...

– Иди ты с «положено». Тут такие дела, а ты шляешься черт те где.

– Какие дела тебе? – устало спросил Жан, закрывая глаза. Мысли его были далеко, в маленьком домике в предместье. – Что стряслось?

– Да ты что, не слыхал разве?

– О чем?

– Вот дурила. Под подолом у бабы, что ль, просидел? Звонили же во всех церквях.

– Ну и что?

– Король же умер. Малолетний Август... волею Божию, и все такое. Серьезно, что ль, не слыхал?

* * *

Середина сентября в Леренуа – еще полное лето. Только дни короче, чем прежде, да темнее становятся ночи, во всем же остальном – август, лишь воздух стал чуть более прозрачным, да носятся между ветвей деревьев маленькие белые паутинки – предвестники близкой осени. Так же греет солнце, так же тепло ночами; в Тирне с хохотом купаются ребятишки. Леренуа, плодородная земля, благословенный край, в котором зима стоит только пару месяцев в году, а не так, как на востоке – полгода.

Вета сидела, вытянув уставшие ноги, прислонившись спиной к стволу, на окраине предместья Леррена, на земле под раскидистой дикой яблоней. Устала. Гудят лодыжки, гудит поясница. Устала ходить, устала просить. Устала...

Конечно, глупо было бы надеяться, что место попадется ей сразу, но уже неделю ходит она, предлагая себя в работницы – и все безуспешно. И деньги подходят к концу – оказывается, покупать еду здесь, в столице, намного дороже, чем в провинциях – там на эту сумму они с Патриком могли кормиться месяц, а здесь... неделя – а осталось лишь несколько монет. Правда, ей пришлось потратиться на башмаки, потому что слишком трудно ходить босиком – шелуха орехов и семечек на мостовой, мусор и какие-то корки. Да и по ночам все-таки становится уже прохладно. Башмаки хорошие, крепкие, но и стоят же... И продавать ей нечего... что бы додуматься захватить из дома отца несколько украшений? А впрочем, вздумай она продать золото, еще объявят воровкой – оно ей надо?

Вета обошла уже все предместья Леррена в поисках работы – всюду отказывали. Нет, выстирать белье или натаскать воды за миску супа ей удавалось, но когда дело доходило до постоянной работы, ответ был один и тот же. То ли бедны здесь люди так, что справляются только своими силами, то ли напротив жадны и скупаются кормить лишний рот... А несколько ушлых теток углядели ее беременность и, наверное, поэтому отказали. Хотя странно – как это можно заметить, если живота-то еще нет? Наверное, решила она, у беременных выражение лица другое, и хмуро посмеялась этому.

Кажется, не миновать ей идти в город. К богатым Вета наниматься боялась. Не приведи Бог, узнают – вся знать столицы если не в родстве друг с другом, то уж в знакомстве точно, ей ли не знать. Конечно, признать прежнюю графиню в тощей оборванке с обрезанными волосами сложно, но можно – если приглядеться. Господа приглядываться не будут, а вот слуги ушлые, горничные да камеристки... а на каждый роток не накинешь платок, попадетсЯ одна сплетница – и доползет до герцога... то есть лорда-регента, чтоб ему неладно было. А уж соваться в центр

Леррена Вета и вовсе боялась – ей все казалось, что подойди она ближе к дому отца или ко дворцу, и признают ее прямо на улице. Да хоть вот та же принцесса Изабель, например...

Мысль о ее высочестве вызвала у Веты грустную усмешку. Как она теперь? Вспоминает ли хоть изредка бывшую фрейлину? Впрочем, больше дела ей нет, как о фрейлине думать. Нет, заспорила Вета сама с собой, ее высочество – добрая девушка... наверняка хоть раз да вспомнила, они ведь вроде подругами были. Но, наверное, гораздо чаще вспоминает Изабель брата... нет, об этом мы думать не будем! Знает ли принцесса, что Патрик убит? Наверное, знает. Так что ей теперь какая-то фрейлина?

Словом, нельзя соваться в город. Нельзя. Не нужно.

Умом она понимала, что лучше было бы совсем уйти из Леррена. Найти в какой-нибудь маленький городок и отсидеться там; зачем рисковать возле самого логова зверя? Тем более стоило бы сделать это сейчас, пока тепло, не дожидаясь зимы. Понимала – но поступить так не могла. Ей все казалось, что стоит отойти далеко от могилы Патрика – и надежды уже не останется. На что надежды, Вета и сама не знала. Но она была привязана к этому маленькому холмику в поместье отца, и оторваться от него просто не могла. Как же она уйдет, если Патрик останется здесь?

Вета подняла голову. Солнце высоко. Снова хочется есть. В последние дни голод стал особенно мучительным; казалось, она никогда не наестся. То ли оттого, что слишком много ходит и работает, то ли это малыш тянет из нее все соки. Вроде бы вот только поела – а спустя недолгое время снова эта сосущая пустота внутри, и ноги подкашиваются, и любой черствой корке рада. Неужели так и будет теперь, пока не родится маленький?

Надо идти. Может, сегодня ей повезет. Вета неловко, с усилием, поднялась, потопала ногами, разгоняя кровь. Лечь бы и не двигаться. Если сегодня ничего не найдет, то все-таки придется идти за городские стены и искать счастья там, но только на окраинах.

Она шла, волоча ноги, по улице, оглядывая покосившиеся домишки. Здесь обитают бедняки... разве нужна кому-нибудь из них работница?

Вот этот дом выглядит хоть и маленьким, но чистым и аккуратным. Наверное, живет здесь какая-нибудь вдова... постучаться разве? Авось повезет.

И уже подходя к калитке, Вета поняла вдруг, что домик этот ей знаком. И когда на стук вышла невысокая, крепенькая бабка, Вета уже не удивилась, увидев знакомое лицо в сетке густых морщин и внимательные, добро глядящие из-под низко повязанного платка глаза.

Старуха выслушала ее вопрос и молча поманила за собой. Уже знакомая комната встретила таким ароматным запахом только что выпеченного хлеба, что у Веты на миг закружилась голова. Маленький дом точно такой же, как две недели назад... впрочем, это ведь только для нее, Веты, минула целая жизнь, а для этих стен, для неба и земли едва ли две недели прошло. Самый счастливый день, когда Патрик еще был с ней, и их на этой земле стало уже трое... Вета закашлялась. Эта женщина была добра к ней тогда, неужели прогонит теперь?

Бабка указала на лавку: садись, мол. Сама встала у окна, скрестив на груди морщинистые руки.

– Ты чья будешь? – спросила деловито.

– Я... – Вета запнулась. Как ответить?

– Родители живы? – точно не заметив, продолжала бабка.

Вета молча покачала головой.

– А муж что?

– Убили... мужа, – девушка снова закашлялась.

– Ишь ты. Ну, а свекровь-то со свекром есть?

– Свекровь... – горькая усмешка исказила губы Веты: перед глазами встала, как живая, королева Вирджиния. То-то была бы рада такой родне! – Свекра нет – умер недавно, а свекровь... не нужна я им.

– Не бывает так, – покачала головой старуха, – чтоб родное дитя от сына бросать. Ну да не мне их судить, а только сдается, чего-то ты скрываешь, девка.

Вета прерывисто вздохнула.

– Так есть у вас работа, бабушка? Я бы и по хозяйству могла, и шить умею, и...

Бабка помолчала. Кивнула, точно соглашаясь с чем-то:

– Недаром, видно, ты мне повстречалась. Нет у меня такой работы, какую сама бы не выполняла, и если б то хоть пару лет назад было, отправила бы я тебя. Ну, а сейчас... только если всю правду мне расскажешь, а то мне полиции в доме не надобно. Не воровка ты, скажи по совести?

Вета покачала головой.

– Нет, бабушка. В жизни никогда ничего у чужих не взяла.

– Не убийца?

– Нет.

– Хм. И есть поди хочешь? Останешься у меня до завтра, а там решим, что с тобой делать...

Вета сглотнула застрявший в горле комок. Вот так. Есть Господь на небе, и видит Он ее. И ее, и маленького...

– Спасибо, – сказала она тихо. – Спасибо, бабушка...

* * *

Минуло две недели, а рядовой Вельен был все еще жив. Никто не приходил, чтобы арестовать его и тащить на дыбу, никто не кричал грозно: «Говори, как посмел ты приказа ослушаться?!», никто не тронул ни его, ни тетку, и Жан уже начал надеяться, что все обойдется. Легран, товарищ верный, молчал (а деньги-то, думал Вельен, большие, тут и помолчишь, да и страшно, наверное, донести – товарищи все же), а больше и не знал никто. Теперь оставалось главное – чтобы не напрасным стал пережитый ужас, чтобы тот, кого они прятали, уже определился, на каком свете ему лучше, и либо умер, либо пришел бы в себя, да забрали бы его, что ли, от них... Умом Жан понимал, что их неожиданный гость долго еще ходить не сможет, по всему – заживется у тетки, но ведь надежда умирает последней.

Иногда в темном ночном ужасе, в сонной казарме, думал Жан, что лучше б помер их постоялец, чтоб все шито-крыто. Тут же стучал по дереву и плевал через плечо, но ведь мыслям не прикажешь. Две недели подряд, приходя в увольнительную к тетке, слышал одни и те же слова: без памяти, плох, а когда очнется – Бог весть. Жаклина выглядела озабоченной и усталой, но ругать племянника перестала и только раз обмолвилась: хоть бы узнать, кто этот парень да откуда, может, где-то мать плачет или жена... Жан пожал плечами и поспешно заговорил о другом.

Третья увольнительная едва не сорвалась: накануне полк снова посетил Сам и остался недоволен результатом проверки. Командиры, получив свое, гоняли рядовых, точно взбесились, и Жан уже решил, что по такому случаю весь личный состав неделю, а то и две просидит не в кабаках, а под арестом. Но – обошлось, рядовой Вельен лично ни в чем замечен не был, оружие у него исправное и вид молодецкий, и на смотре, устроенном начальством на скорую руку, отличился. Как не отпустить такого? О том, что образцовый рядовой мало не с жизнью простился, решив, что Сам по его душу пожаловал, командиры, понятно, не узнали – мысли читать еще не научились. И выйдя за ворота казармы, Жан вознес небесам короткую, но от души молитву. И попросил еще об одном: чтоб скорее уж закончилось это все, чтоб вернулось все, как было, и жить по-старому. Как, оказывается, можно устать от ужаса ожидания, как тянет к земле душу страх... иной, не боевой, нутряной страх беды, беды не за себя – за близких...

Порой Жану казалось, что ненавидит он этого парня – бывшего принца, бывшего каторжника, так некстати ворвавшегося со своими тайнами и проблемами в их тихую с теткой жизнь.

И уже войдя в сени теткиного домика, Жан понял, что Господь его молитвы явно услышал: Жаклина, выскочившая ему навстречу с ведром в руке, вид имела озабоченный, но явно обрадованный. Жан замер. К добру или к худу? Что скажет она ему сейчас?

А тетка Жаклина, поблескивая глазами, сунула ему ведро и приказала:

– Иди-ка, милый, воды принеси. Да поживее, мне некогда. – И улыбнулась: – Твой-то найденыш... очнулся ведь. Теперь, Бог даст, выживет. Я уж и не надеялась...

– Когда? – шепотом спросил Жан, сжимая пальцами дужку ведра. Губы пересохли.

– Третьего дня в себя пришел. И имя назвал. А кто такой, не сказал... ну да все лучше – не как собаку кликать.

– Какое имя-то? – спросил Жан, неизвестно на что надеясь.

Тетка оглянулась.

– Патрик, – почему-то шепотом проговорила она.

Жан почувствовал, как что-то оборвалось внутри. На что надеялся? На чудо? На то, что тот, кого он вытащил из могилы, окажется кем-то другим? Что ничего не вспомнит, очнувшись? Вот тебе новая забота, солдат, – думай теперь, как объяснять... а, собственно, и объяснять-то нечего.

– Ну... и как? – тоже шепотом спросил Вельен. – Как он вообще?

– Теперь ничего... – тетка перекрестилась. – Теперь, даст Бог, выживет.

– С ним... – Жан помялся, – поговорить можно?

– Зачем тебе? Ну, коли хочешь, иди, только немного, слабый он сильно... Эй, погоди, воды мне сперва, воды принеси!

Как он дошел до колодца, Жан не помнил. Вернувшись, сунул тетке ведро – та тут же перелила воду в котел и поставила греться – и, осторожно ступая большими ногами, подошел к горнице, тихонько заглянул за занавеску.

И поежился.

Огромные, обведенные черными кругами запавшие глаза смотрели на него. Пристально смотрели, жестко. Настороженно.

Жан вошел, осторожно присел на край лавки.

– Очнулись?

Не мог он, не получалось говорить лежащему перед ним беспомощному, едва живому человеку «ты». Сразу было видно, кто тут для чего рожден – даже если б не знал, кто он, даже если б не слышал своими ушами – сначала тот приказ, а потом боязливые разговоры между теми, кто там был.

– Очнулись, ваша милость? – Жан тронул загрубевшей ладонью забинтованную руку лежащего. – Теперь на поправку пойдете.

– Я тебя... помню, – проговорил Патрик едва слышно. – Лица... не видел... голос помню.

Жан опустил голову. Чего тянуть-то, лучше сразу поставить все точки.

– А коли помните, так поймете, – он умоляюще взглянул Патрику в глаза. – Не своей мы волей. Простите уж.

– Зачем... вытащил? – Патрик все так же пристально смотрел на него.

– Не по-человечески было, – шепотом ответил Жан. – Не мог оставить...

– Где я?

Жан осторожно оглянулся. Там, сзади было тихо – не то вышла тетка, не то затаилась, чтобы им не мешать.

– У тетки моей, – прошептал он. – Не тревожьтесь, ваша милость, не выдам. Подлечитесь, а там видно будет, что да как.

– Вета... где? – Патрик прикрыл глаза, преодолевая слабость.

– Кто? – не понял солдат.

– Там... в доме... девушка была. Где?

– Не было там никого, – покачал головой Жан. – Мы ее ждали, но дом пустой был.

– Не... врешь?

– Да ей-Богу, пустой, – Жан быстро перекрестился.

– Значит... ушла, – Патрик едва слышно выдохнул.

– Кто?

– Не... важно. Сколько я... тут?

– Да почитай, две недели. Вас уже и не ищут, кончено. – Жан опять боязливо оглянулся и зашептал: – Вас, ваша милость, похоронить приказано было. Мы с Леграном вдвоем остались... могилу уже вырыли. Да тут увидели, что вы... ну, не совсем. Я Леграна молчать уговорил... мы яму пустую засыпали, а вас я сюда отволол. Это тетка моя, Жаклина. Она травы знает, ничего, взяла. Вы, главное, лежите и молчите. Я ей сказал, что вас в канаве нашел – мол, разбойники на благородного напали, ограбили да бросили. Только не верит она мне – говорит, мол, каторжник беглый... да боится, как бы вас не нашли тут да не донесли на нее.

– Беглый... – Патрик едва слышно застонал... нет, понял Жан, засмеялся. – Верно...

– Но вы не бойтесь, ваша милость. Поправляйтесь скорее... а потом видно будет.

Серые глаза чуть потеплели.

– Спасибо... тебе...

Жан отмахнулся.

– Сначала на ноги встаньте, потом спасибо. Только, прошу вас, молчите, кто вы есть такой. Мы ведь тоже жить хотим. Молчите, Богом прошу!

Патрик еле заметно улыбнулся... И эта короткая улыбка оплатила рядовому, нарушившему приказ, все недавние дни.

* * *

Потом Жан целую неделю понять не мог: почему он такой счастливый, что за радость такая случилась, что он то и дело улыбается, как последний дурак, и половины обращенных к нему вопросов не слышит вовсе или отвечает невпопад. В полку уже подначивать стали: влюбился Вельен, на свадьбу намекать начали, на выпивку раскручивать по случаю мальчишника. Вельен не слышал. И только когда поймал брошенный на него взгляд Леграна, оценивающий, нехороший такой взгляд, очнулся и охнул про себя. А ну, неровен час, догадается кто?

О чем догадается, дурак? О том, что ты рад до смерти за чужого, в сущности, человека? О том, что тоненькая ниточка едва не оборванной тобой жизни выдержала, не разорвалась? Ну так это тебе на небесах зачтется, а здесь не ровен час узнает кто... спрячь свою улыбку и не смей мечтать на ходу, если себя и тетку сгубить не хочешь.

А этот принц-каторжник, приемыш-то их, все прочнее утверждался среди живых. И когда Жан в очередной раз пришел домой, он уже мог говорить, пусть недолго, пусть быстро уставал, но все-таки... И уже понятно стало: теперь точно выживет, лицо стало не таким мертвенно-восковым, и не таким тяжелым казалось дыхание.

И – ох, как боялся этого Жан! – едва появился солдат в маленьком домике, Патрик засыпал его короткими, вперемешку с кашлем, но от этого не менее требовательными вопросами.

А кто на его месте поступил бы иначе? И глаза, обведенные черными кругами, горели таким жестким огнем, что Жан не выдержал. Дождался, когда тетка загремела за стенкой посудой, что-то напевая про себя, присел на краешек кровати и сказал негромко и почему-то виновато:

– Ладно уж, ваша милость, расскажу, что знаю. Только знаю-то я немного...

Полуденное солнце било в маленькое окно, падало на лицо принца, и тот морщился, шурился, не в силах отодвинуться или повернуться на бок. Жан вздохнул, задернул занавеску, луч погас. Патрик благодарно улыбнулся.

– ...днем, после полудня, вызвали нас семерых – сказали, на задание. Ну, у нас часто так делается... сами понимаете, полк – Особый, и задания у нас бывают особые. Про то нам никому и говорить-то не велено. Но часто мы и сами толком ничего не знаем. Вот и теперь – сказали, что беглых преступников ловить надо. Вывезли нас за город, привезли в поместье чье-то... вроде как графа Радича, если я верно услышал. А там – охотничья хижина в глубине. Пустая. Старшой наш сначала вроде растерялся – ему-то приказ был захватить девушку какую-то, которая там жила.

Патрик едва слышно выдохнул сквозь сжатые губы.

– Ну, а дом пуст. Ни девушки, никого. Только шпион в кустах сидит. Старшой наш орет на него: мол, ты тут для чего посажен, почему упустил? А тот отбивается: я, дескать, на две части разорваться не могу. Улетела, мол, ваша птичка, а куда – не знаю, у меня дело – сторожить и наблюдать, а то главную добычу упустим; я вам весть подал – а там работа ваша, а не моя. Ну, поорали они друг на друга. Потом нас пятерых посадили в засаде снаружи, в кустах. А двое в доме спрятались. Сказали им: появится здесь девушка, по виду – крестьянка, ее задержать надобно. Только вряд ли милорд герцог, начальник наш, из-за какой-то крестьянки беспокоиться стал бы... они ведь самолично туда пожаловать изволили. Милорд герцог и лорд Диколи, военный министр, знаете?

– Знаю, – чуть слышно проговорил Патрик. – Дальше.

– Ну и вот, велено было задержать эту крестьянку и...

– Откуда они узнали про девушку? – тихо спросил Патрик.

– Не знаю, ваша милость, – покачал головой Жан. – Нам про то не докладывают. Но герцога там сначала не было, они позже приехали. Вот... сидели мы в тех кустах довольно долго, уже темнеть стало. Я так понимаю, наши двое, которые в домике сидели, должны были девчонку схватить, едва она в дом зайдет – ну, спрятаться за косяком да выскочить на нее, дело нехитрое. А уж дальше с ней беседовать его милость собирался... Об чем – не ведомо мне.

Патрик сжал зубы.

– Но я так понимаю, не девчонку они там искали, ваша милость. То есть ее, конечно, тоже, но первая их задача была – это вы. Вас они ждали. А девушку хотели как приманку использовать. Вы же, если б ее в руках герцога увидели, сдались бы, так я понимаю?

– Да...

– Ждали мы, ждали. Девушки нет. А тут смотрим – вы идете. Мы, конечно, не знали, кто вы такой, нам ведь не докладывают. И я вас сразу-то не признал. Ну, мы слышали, что вас ищут и ловят... а потом я вас вспомнил: вы с Его Величеством папенькой вашим три года назад на смотре войск были, я в первом ряду стоял – вы совсем рядом прошли. Может, помните?

– Смотр – помню. А тебя – уж прости – нет, – Патрик засмеялся, закашлялся и упал на подушку.

– Тише вы, – испуганно сказал Жан. – А то тетка услышит – задаст и мне, и вам. Ну вот, вы идете – а там, в доме-то, милорд герцог и лорд Диколи сидят, вас ждут. Пропустили мы вас, чтоб в доме ловчее брать было... а дальше вы уже сами все помните.

– А потом? – спросил Патрик после недолгого молчания.

– Когда все... кончилось, вас, ваша милость, закопать велели. Все ушли, а мы...

– Девушка так и не появилась?

– Нет. Как все ушли, мы с Леграном яму копать стали. А потом гляжу – вы вроде и живы. Вот и все. Я вас на загривок – и сюда. А Легран молчать обещал. Утром милорд нас вызвал, расспросил – я сказал, что закопали все, как велено. Он дал нам денег и молчать велел. Вот и все.

Патрик долго молчал, кусая губы. Потом негромко сказал:

– Спасибо тебе, рядовой Вельен. Я не забуду этого, обещаю.

– Да не за что, ваша милость, – серьезно ответил Жан. – Я ведь не награды ради, а просто – не по-христиански было бросать вас. Вроде как второй раз убивать...

– Жан... А девушка – о ней ничего не слышал больше?

– Нет, ваша милость. Ничего. А она – кто? Никак... – Жан помялся, – никак зазноба ваша, так я понимаю?

Патрик чуть улыбнулся.

– Зазноба, говоришь? Да, зазноба. А кто – не скажу, прости. Ни к чему тебе.

– Я понимаю, ваша милость...

С минуту они молчали. Патрик откинулся на подушку и прикрыл глаза, пережидая приступ слабости и дурноты.

– Ваша милость, – вскочил Жан. – Никак, плохо? Тетку позвать?

– погоди... – прошептал Патрик. – Не надо. Послушай, Жан... Ты мне помог, и я в долгу перед тобой на всю жизнь...

– Да полно вам...

– Подожди, не перебивай. Я тебе жизнью теперь обязан. Но помоги мне еще раз, солдат. Это очень важно.

– В чем же?

Патрик попытался приподняться, впился глазами в лицо солдата.

– Записку... передашь?

– Какую записку? – не понял Жан. – Кому?

– Я скажу, кому. Весточку, что я жив. Только сделать это надо будет осторожно. Сможешь?

Пауза.

– Сделаешь? – повторил Патрик.

– Ваша милость, – Жан сглотнул и посмотрел на него умоляюще. – Не губите, ваша милость. Мы и так... всем, чем можем, вам... А мы ведь люди маленькие. А ну как прознает кто, ведь не сносить нам головы. Вы-то, поди, знаете, на что идете... а я? А Жаклина? Ведь у нее, кроме меня, никого, как я могу ее голову в петлю совать? Ну... ну, давайте я чего другое для вас сделаю... денег добуду... а это – нет, не просите.

– Боишься? – тихо спросил Патрик.

– Боюсь, – честно признался Жан. – Не обессудьте. Мне во дворец попасть просто, да выйти сложно. А ну, как узнает кто? А если этот ваш... а если и он купленный?

– Нет, – твердо проговорил Патрик. – Этот человек – пожалуй, единственный, кому я могу доверять. И кто может что-то сделать. Прошу тебя.

– Нет, – замотал головой Жан. – Не пойду. Боюсь.

Патрик посмотрел на него и отвел взгляд. Опустился на подушку.

– Ладно, – проговорил он ровно. – Прости меня, солдат. Ты прав.

– Ваша милость, – Жан опустил глаза. – Не сердчайте. Не могу я. Правда не могу. Боюсь.

– Ты будешь бояться еще больше, – усмехнулся принц, – пока я здесь. И ты боишься, и тетка твоя. Потому что в каждую минуту меня могут найти, и тогда вам несдобровать. И ты это знаешь. А если меня здесь не будет, вы забудете это все, как страшный сон. Вот и думай, солдат, что тебе лучше – отбояться один раз – и забыть или трястись от страха еще несколько месяцев, пока я не встану на ноги и не уйду? Вот и думай.

Вот и сидит теперь рядовой Жан Вельен с кружкой в обнимку, только хмель не берет – от мыслей невеселых бежит, как от огня. И некому рассказать даже... не тетку же в это впутывать.

– Эй, Вельен, – отвлек его знакомый голос. – Чего кислый-то такой? Давай выпьем.

Легран с размаху грохнул на стол кружку, не пролив при этом, однако, ни капли, и уселся на скамью рядом.

– Чего кислый такой? – повторил он. – Или мамзеля послала?

Жан только рукой махнул.

Легран пригляделся к нему.

– Что стряслось? – спросил уже иначе, тихо и настороженно.

Жан посмотрел на него. Нет больше сил нести все в одиночку. Не помощник ему никто, но выговориться... хотя бы выговориться он может? И кто поймет его лучше, чем Легран – ведь он тоже был там той ночью, той проклятой ночью, с которой все пошло наперекосяк.

– Случилось...

Он поднял на приятеля тяжелый взгляд.

– Поговорить надо... Не торопиться?

Легран сделал немаленький глоток и придвинулся ближе.

– Куда мне торопиться... Ну? Выкладывай, приятель, а то на твою рожу смотреть – пиво скисает.

Жан огляделся по сторонам.

– Помнишь... этого?

– Кого? – не понял Легран.

– Ну... – Жан слегка разозлился на приятеля за непонятливость. – Которого мы с тобой... ну, с того света вытащили, помнишь?

Легран испуганно заозирался, отодвинулся и выматерился вполголоса.

– И слышать про него не хочу! Сто раз уже пожалел, что тебя тогда послушал.

– Да я и сам пожалел, – признался Жан. – Только что делать-то теперь?

Легран опять украдкой огляделся.

– Шел бы ты, парень, со своим мертвяком... Нашел место, где ужасы рассказывать. Ну тебя.

Взял кружку и ушел.

Жан посмотрел ему вслед. Умный человек, сразу видно. Вмазываться не хочет, и правильно делает. Жан залпом опрокинул кружку и грохнул кулаком по столу. Все умные, один он в дураках остался.

Ночью он долго лежал без сна, слушая мощный храп казармы. Лунные лучи лежали на полу, в них плавали пылинки. Воняло от сапог соседа. Кто-то присвистывал во сне, кто-то по-детски чмокал губами. Жан лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

За дверью простучали шаги – смена караула. Жан перевернулся на другой бок и умял подушку. А ведь ни свет ни заря подымут. За что ему такое наказание?

– Что не спишь? – услышал Жан шепот и приподнялся на локте.

Легран лежал, повернувшись к нему лицом, закрыв глаза.

– Ну, так что не спишь-то? – голос его был совсем не сонным.

– До ветру собрался, – буркнул Жан. – Щас вернусь.

Он встал, натянул сапоги и вышел. Покачиваясь, пересек длинный коридор и вышел во двор. Луна светила – ярче не придумаешь, по траве протянулись резкие, почти черные тени.

За спиной послышались осторожные шаги, дверь скрипнула, и Жан резко повернулся.

– Ты за мной шпионить, что ли, взялся? – без всякого выражения спросил он, увидев на крыльце длинную фигуру.

– Нужен ты мне, – фыркнул Легран, останавливаясь рядом. – Я, может, тоже отлить хочу.

Он поднял голову, поглядел в темное небо. Зевнул, почесал шею.

– За полночь, поди, уже. Что, Вельен, маешься?

– Тебе какое дело...

– Да никакого, в общем. Тебя жалко. Вижу ведь, что маешься. Из-за этого, что ли?

Жан промолчал.

Легран огляделся. Они были одни. В раскрытые, несмотря на осень, окна казармы доносился мощный храп.

– Отойдем, что ли... – позвал Легран.

Они сошли с крыльца, сделали несколько шагов и остановились у забора. Легран вытащил трубку, похлопал себя по карманам.

– Эх, жаль, огня не захватил, – посетовал он. – А ты тоже хорош, дурак – про такие дела в трактире говорить. Ум-то есть у тебя? Мало ли, сколько ушей там слушает. Давай, выкладывай. Понял я, про кого ты. Неужто живой?

– Живой, – тихо ответил Жан. – Правда, лежит еще... неделя всего, как в себя пришел.

– Так он... у тебя, что ли?!

Жан молча кивнул.

– Вот это да! Силен парень... Где ж ты его прячешь? А если найдут?

– О чем и речь, – прошептал Жан. – Я уже от тени своей шарахаюсь. Сколько натерпелся – не рассказать... каждый раз иду в увольнение и трясусь – вдруг там от дома угли одни остались. Он вроде на поправку пошел... мы думали – все, концы отдаст. На той неделе я пришел – он еще говорить не мог, а узнал меня. Спасибо сказал.

– Спасибом сыт не будешь, – фыркнул Легран.

– Да Бог бы с ним, пусть лежит. Но ведь он... сегодня прихожу – а он... он просит, чтоб помог я ему. Записку вот просил отнести... одному человеку. А мне и отказать вроде неловко – не век же ему лежать в нашей халупе, а все ж страшно...

– Ты дурак, Вельен, – покачал головой Легран. – Да он на тебя сядет – пикнуть не успеешь. Ты хоть соображаешь, во что ввязался?

– Да соображаю я все. Жалко мне его, – признался Жан.

– С жалостью этой ты попадешь... сказать куда?

– Сам знаю. Только вот что делать теперь, не знаю.

– Как это что? – шепотом возмутился Легран. – Да пошли ты его куда подальше, и все дела.

– Не могу...

– Да почему, так тебя и разэтак?!

Жан покряхтел. Как ему объяснить? Как сказать, если слов таких он сызмальства не знал, это все для благородных слова, а им такое не пристало.

– Не могу, – повторил он. – Получается, что брошу я его. А у него ведь нет никого теперь. Один. И едва живой. А я присягу давал... и ему, получается, – тоже, – он запутался, махнул рукой.

– Ну, ты и дурак, – покачал головой Легран. – О себе не думаешь – о тетке своей подумай. Пропадет ведь. А если донесут?

– Того и боюсь.

– Ну, так и отправь его... Адрес подсказать или сам знаешь?

– Куда я его отправлю, Легран, ну куда? Он еще на ногах не стоит, только-только с того света вернулся. Как я его выгоню? Проще было сразу закопать...

– Да надо было закопать, – проворчал Легран. – Меньше мороки было бы. Жалельщик, мать твою. Пропадешь тут с тобой.

Он помолчал, повертел трубку в руках и поежился. Где-то заухала ночная птица.

– Ну, а от меня-то ты чего хочешь?

– Да ничего, наверное, – вздохнул Жан. – Совета хотел спросить... да вижу, что не советчик ты, – он махнул рукой.

– Не советчик. А то ты потом меня за собой потянешь... плавали, знаем. Думай сам. И меня в это дело не впутывай.

Легран спрятал трубку в карман и развернулся было, чтобы уходить, но остановился.

– Ты вот что... Как другу говорю, Вельен: выгони ты его. Все, что мог, ты для него сделал. А он тебе не сват, не кум, чтоб башку в петлю совать. Пусть сам разбирается, это их, господское, дело.

Он помолчал.

– А если меня еще раз впутать соберешься – донесу. Я предупредил.

Неторопливо, зевая, он двинулся за угол, к дощатой будке. Жан сплюнул и выругался – хмуро, но от души. Махнул рукой и пошел обратно, в сонную тишину казармы.

* * *

Бабка Катарина, вдова каменщика, жила одна уже пять лет. Муж ее погиб – сорвался с лесов на строительстве. Он был хорошим работником и, по счастью, успел скопить кое-что себе и жене «на безбедную старость». Старость Катаринины не стала вовсе уж безбедной, но все-таки давала возможность прожить, не будучи никому обузой. Впрочем, обузой быть и некому: детей у Катаринины и Мориса не было, хотя носила она пятерых, пятерых и родила, только двое умерли сразу, еще двое не пережили первую зиму, а первенец умер в шесть лет от быстрой какой-то болезни, распознать которую не сумели даже лекари.

– Бог дал – Бог и взял, – говорила Катарина довольно спокойно. – Чего уж тут... Спасибо, муж был. Да племянников у меня целый мешок – и всех я вынянчила, теперь вон – лбы здоровущее, у одного уж свои внуки есть.

Жила бабка Катарина скромно, но тихой ее жизнь назвать никак было нельзя. До старости сохранив неугомонный нрав, она целыми днями крутилась по многочисленной родне, помогая нянчить детей, внуков, правнуков, племянников, внучатых племянников... «а дальше я и не считаю, чтоб слишком старой себя не чувствовать». Была бабка, несмотря на преклонные годы, бодрой и шустрой, всего год как перестала сама колоть дрова – теперь ей помогал в этом соседкин сын, здоровенный мужик-вдовец, который звал Катарину бабуней и, видно, крепко любил. Не проходило дня, чтоб он не забежал к бабке справиться о здоровье, а она улыбалась и совала ему что-нибудь вкусненькое. Мужика звали Пьером, был он бородат и с виду суров, но, как вскоре поняла Вета, беззлобен и добродушен.

Впрочем, увидев у бабуни чужую девку, «приблуду», как выразилась мать Пьера, мужик напрягся. Катарина, как могла, пыталась успокоить его, но понадобилась не неделя и не две, чтобы Пьер перестал видеть в Вете воровку, вознамерившуюся обманом завладеть бабкиным наследством. То, что наследства было – крошечный домик, кошка и клубки пряжи для вязания, Пьера нисколько не волновало – в предместье и за подобное могли пойти на душегубство, а после, если не повезет, и на каторгу.

Впервые столкнувшись с жизнью и миром простых обывателей, Вета долго не могла привыкнуть к их прямому, бескомпромиссному и бесхитрому взгляду на жизнь. Черное было для них черным, а белое – белым. Голод был голодом, но воровство не осуждалось, если человек шел на него из-за страха голодной смерти себе или детям. Их не волновали отвлеченные умствования о том, куда идут налоги и с кем нынче воюет или не воюет страна, они воевали каждый день – с нуждой, недородом, выюнком в огороде, заморозками или гусеницами, считали, что до Бога высоко, а до короля далеко, и не верили в иную справедливость, кроме своей собственной. Были эти люди угрюмы на первый взгляд и не терпели попрошайек и лентяев, но если доходило до настоящей беды – могли помочь, не спрашивая имен и званий. Вета иногда думала, что судьба в лице бабки Катаринины послала ей свою милость: здесь, в предместье Леррена, она могла жить долго-долго, и никто не нашел бы, не узнал бы бывшей графини прямо под носом у лорда-регента, да и искать бы никто не стал. Здесь, пожалуй, она могла бы в безопасности вырастить сына.

Сложно сказать, поверила ли бабка тому, что рассказала ей о себе неожиданная гостья, но сильно не расспрашивала. Видимо, ей было достаточно того, что Вета поклялась: она не воровка и не убийца, полиция ее не ищет (и это была правда – кому она теперь, после гибели Патрика, нужна?). Вета представилась сиротой, выросшей в батрачках, вышедшей замуж за мастера. Теперь мужа убили в пьяной драке: сосед распускал руки, она пожаловалась мужу... кто же знал, что так выйдет? (прости, Патрик! Тысячу раз прости!). После похорон свекровь выгнала: нам, мол, такая не нужна, которая сына сгубила, а идти ей некуда. Вот и пошла новое место искать.

Местом ее стала теперь деревянная лавка в большой кухне, служившей одновременно и спальней, и гостиной. Как во многих не очень больших и небогатых семьях, в доме Катаринины было всего две комнаты: одна жилая, вторая парадная, предназначенная для почетных гостей и «для фасону». В ней стояла деревянная кровать с большой периной и грудой белоснежных подушек, покрытая цветным лоскутным покрывалом, и огромный сундук, в котором хранились еще девичьи бабкины наряды. Часть нарядов пошла в дело: единственное платье Веты, еще то, которое дала ей Хая, совсем истрепалось. Но Вета никак не могла заставить себя снять его – в этом платье она была счастлива с Патриком, это платье помнило его живым. И если бы не уверения Катаринины, что обноски не будут порваны на тряпки, а займут место в сундуке, она так бы и ходила, «как оборванка», как в сердцах сказала однажды бабка.

Вставали они до света и ложились рано; топили печь и пекли хлеб, кормили кур, которых было у Катаринины аж целых пять штук. Потом Вета прибиралась в комнате, а бабка уходила за водой – эту работу она всегда выполняла сама и гордилась, что в свои годы еще способна удержать полные ведра на коромысле. День проходил в мелких заботах о хлебе насущном, и думать, и вспоминать было некогда.

Вета крутилась по нехитрому хозяйству бабки Катаринины, вязала и шила, потихоньку прислушиваясь к тому новому, что происходит внутри нее. Ей казалось, что она попала в другой мир и другую жизнь, и это помогало приглушать постоянную, ноющую, как больной зуб, боль утраты.

Дни были одинаковыми, монотонными и серыми, никакими. Вета терпеливо переживала пустые часы, занимаясь чем-то необходимым и обыденным, что не имело совершенно никакого значения. День был не настоящий, настоящими были ночи. Ночь – вот единственно реальное время, в котором она оживала и вновь становилась собой.

Ночью приходил Патрик. Живой. Настоящий. Веселый. Садился на край ее постели, смеялся и просил подождать чуть-чуть. Родится малыш, и он заберет их к себе, и они уйдут туда, где их никто не найдет. И пусть Вета не винит себя, она ни в чем не виновата и все сделала правильно, он жив и скоро вернется. Вета смеялась, кивала, и ледяной ком, в который смерзлась ее душа, таял, уступая место облегчению и надежде.

Утром она открывала глаза, и все продолжалось. Серые дни, лед внутри, усталость и безразличие. Поэтому, едва выпадала свободная минутка, Вета пряталась в угол и закрывала глаза, уходила – туда, где Патрик был жив и помнил о ней.

Бабка Катарина сначала поглядывала на свою жилицу с беспокойством, пробовала расспрашивать, что случилось. Вета отговаривалась усталостью. Потом Катарина стала тормошить ее, говоря:

- Не нравишься ты мне, девка. Говори! А ну-ка говори!
- Что говорить, бабушка? – вяло сопротивлялась Вета.
- Что хочешь, то и говори. О муже рассказывай. Он у тебя что, красивый был?

Говорить было больно. Каждое слово царапало душу, как камень с зазубренными краями. Вета не могла и не хотела расстаться даже с крупницей тех воспоминаний, в который Патрик принадлежал ей и только ей; на все попытки бабки она отнекивалась, потом стала зло огрызаться. Но Катарина не унималась, и девушка нехотя цедила сквозь зубы самые мелкие и

незначительные подробности: что любил Патрик, как одевался, что предпочитал на обед или на ужин. Рассказывать это было опасно, но бабка, казалось, не замечала откровенного вранья или нестыковок: откуда бы мастерской умел охотиться или как мог любить зайчатину в белом вине? И вытягивала, вытягивала из девушки все новые крохи, слушала и кивала. В какой-то момент Вета поняла, что ей это нужно, что в рассказах Патрик становится больше живым, чем в ее снах. И говорила уже сама, без понуканий, и улыбалась, вспоминая. А однажды вечером, вдруг запнулась на полуслове, посмотрела на бабушку широко раскрытыми, изумленными глазами и прошептала, словно поняла только сейчас:

– Он ведь умер...

Слезы хлынули градом, полились по лицу, закапали на деревянную столешницу, но Вета сидела молча, словно недоумевающая, не замечая ничего вокруг. И только спустя минуту вздрогнула, будто проснувшись – и застонала, зарыдала в голос, упала головой на стол. И плакала, как в детстве – горько, отчаянно, колотя кулаками – как не плакала уже давно, с той самой ночи или раньше, намного раньше.

Бабка терпеливо пережидала, только гладила ее по голове, по трясущимся плечам. А когда Вета всхлипнула в последний раз и вытерла мокрые глаза, сказала мягко:

– Вот и хорошо, вот и умница. Теперь будешь жить. А то ведь сухая ты была, девка, а это ой как плохо. Боялась я за тебя, все приглядывала, как бы ты руки на себя не наложила. – И вздохнула: – Горе, девонька, не спрашивает, куда да когда являться, приходит само, когда не ждали. Вот и тебе пришлось. Ну да что ж – зато дите у тебя будет, для него жить надобно. Твой-то Патрик во сне к тебе приходил, верно?

Вета кивнула.

– Теперь реже приходиться будет. Вылила ты, теперь и тебе, и ему легче станет.

Как-то раз Катарина отправила девушку на рынок – кончились соль и мука. Уже катил к концу ноябрь; деревья, уже разноцветные и полублестевшие, неторопливо роняли листья на головы прохожим, и Вете казалось, что она слышит этот слабый шорох. Девушка шла неторопливо, осторожно ставя ноги – уже стал виден под одеждой живот, иногда было тяжеловато ходить – и куталась в старый плащ, отданный ей Катариной.

До рынка совсем недалеко, но так хотелось пройтись ясным погожим деньком. Накануне сутки лил дождь, и мостовая еще не успела просохнуть, оттого вдвойне дорогим было это нежаркое осеннее солнышко. Вета ловила глазами лучи, шурилась и думала о том маленьком, что растет у нее внутри. Впервые за все эти месяцы тоска внутри улеглась и свернулась тихим клубочком. Какое теплое солнце... Она свернула в переулок, чтобы выйти к реке... постоять немного на берегу, посмотреть на ленивую, полусонную Тирну...

Где-то впереди раздались мужские голоса и смех. И Вета дернулась и ускорила шаг, потому что это смеялся Патрик. Надо догнать и окликнуть его, он поможет ей донести корзину, и она расскажет ему, что...

Отмахнувшись от боли, привычно шевельнувшейся внутри, девушка ускорила шаг. Переулок изгибался, и, свернув за поворот, она увидела идущего впереди высокого светловолосого человека. Он только что махнул рукой приятелю, ушедшему в один из дворов, и теперь шел неторопливо и легко по улице к набережной. Волосы его золотились на солнце, он слегка прихрамывал...

– Патрик! – закричала Вета и побежала за ним. – Патрик, подожди, постой!

Она догнала его и схватила за плечо. Человек обернулся...

Это был совсем незнакомый мужчина, намного старше Патрика – лет, наверное, тридцати с небольшим. Ну, совсем не похож – грубое, точно из камня выточенное лицо, небольшие, глубоко сидящие глаза. Только волосы – золотистые, вьющиеся... и такая же светлая борода. Мужчина удивленно и недоумевающее смотрел на нее, потом неожиданно улыбнулся:

– Обозналась никак?

– Простите, – пробормотала Вета, отступая на шаг. Дверь, ведущая в счастье, захлопнулась с могильным стуком. – Простите...

– Бывает, – усмехнулся мужчина. Окинул ее оценивающим взглядом: – Куда бежишь-то, красавица? На рынок, что ли? А то давай помогу.

Руки его потянулись к корзинке Веты, но девушка вырвалась... Всклипнув, бросилась бежать – не видя, куда, не разбирая дороги и натываясь на прохожих. Остановилась лишь тогда, когда ноги обожгла сквозь башмаки ледяная вода – и только тогда поняла, что выскочила на берег и едва не по щиколотку влетела в осеннюю Тирну.

* * *

Боль. Постоянная, ровная, неумолимая. Оглушающая, изматывающая, лишаящая сил. Боль – это все, что осталось в жизни. Ни повернуться, ни вздохнуть нельзя без того, чтобы она не скалилась неумолимой усмешкой, не набрасывалась, грызя и терзая тысячами ножей. Ни проблеска, ни лучика надежды. Калека. Ты никогда не встанешь на ноги.

Как, оказывается, может изматывать простая боль. Каким умным был тот, кто впервые придумал пытку. За минуту этой боли можно прожить тысячу лет, покаяться во всех грехах, сознаться во всех деяниях, тысячу раз отречься – лишь бы получить хоть крошечную долю облегчения. Какими наивными они с Яном когда-то были, осуждая тех, кто не вынес пыток, сломался... да если бы тебя пытали сейчас, ты выдал бы все, что угодно – лишь бы уйти.

Даже там, на каторге, умирая в переполненном бараке, он не чувствовал такой боли и такого отчаяния. Даже там что-то светило впереди. Даже под кнутом... там боль была все-таки конечна.

А может, просто он был сильнее...

Иногда Патрик ощущал себя древним стариком. Все, что можно сделать и увидеть на этом свете, он уже сделал. И просил Бога: отпусти...

Сколько раз ему хотелось – шагнуть с обрыва, прекратить эту длящуюся без конца и времени боль, уйти. Туда, в тишину, в пустоту – там нет этой боли. Если бы можно было – шагнуть; он ведь и пошевелиться не может без посторонней помощи. Какая насмешка... Или уснуть – и не проснуться. Нет, уснуть – и, проснувшись, понять, что все было только сном; проснуться прежним, и жив отец, и Ян тоже жив, и все хорошо.

Нет, говорил он себе, надежда все-таки есть. Это не навсегда. Все конечно. Все кончится. Все уйдет.

Ведь сказали же ему – там, на серой равнине без красок и времени, – тебе рано сюда. А как же иначе? Своими жизнями, своими душами они заслонили его; как же теперь он может поддаться отчаянию?

Значит, нужно шевелиться. Терпеть. Верить. Ждать, стиснув зубы. Боль – конечна. Она не навсегда. Да полно, такое ли ты терпел без крика? И не такое... только, конечно, не так долго. А потом, когда все закончится, – встать. Встать и идти дальше.

Господи, если Ты есть, не оставь меня. Я знаю, что все во славу Твою, Господи. Я знаю, что Ты любишь меня – иначе зачем с таким упорством Ты вытягиваешь меня из-за края снова и снова? Господи, об одном прошу – дай сил. Сил вытерпеть это и остаться человеком. Не забиться в щель. Снова идти по своей дороге. Идти, потому что обещал, потому что должен. Потому что хочу, в конце концов. Сил прошу, только сил, Господи...

Злые слезы скатывались к вискам, падали на подушку. Патрик не вытирал их – не было сил поднять руки. Искусанные губы саднили. Тихо дышала за занавеской тетка Жаклина. Ночь. Тишина.

* * *

...День был не по-осеннему жарким и душным. Казалось бы – уже октябрь на дворе, а солнце палит, словно в июле. Собаки лежали, высунув языки, у калиток, и даже лаять у них не было сил.

Разморенная улица тонула в тишине. Ни ветерка, ни звука. Ленивый гомон детишек смолк, придавленный раскаленным небосводом. Скорее бы вечер... хоть ветерка бы нам, хоть капельку осенней прохлады!

В тишине – ленивой, размеренной – пряталось тяжелое ожидание. Ожидание чего-то неявного, но страшного. И люди прятались по домам, и осенние птицы притихли, и дома съезжились за закрытыми от солнца ставнями.

Ожидание царило на маленькой улице предместья Леррена.

А когда к городу подкрался вечер, ожиданию надоело томить людей. И оно сгнуло, спугнутое стуком подков верховых, грохотом колес большой черной кареты, блеском аксельбантов и шевронов на мундирах офицеров.

Кавалькада остановилась у крайнего домика тетки Жаклины, словно не замечая испуганных взглядов соседей из-за ставен и задернутых занавесок. Офицерам не было дело до пересудов толпы. А особенно не было до этого дела единственному среди военных штатскому господину – худому, черноволосому, обликом схожему с хищной птицей, одетому строго, но дорого. Он даже не соизволил сам распахнуть дверь домика – за него ударом ноги это сделали солдаты.

Не глядя на выскочившую на порог хозяйку, тут же склонившуюся в поклоне, господин прошел в сени, поморщился от запаха трав и свежей капусты. Оглядел маленькую, чисто прибранную горницу, нахмурился. И лишь тогда соизволил обратить внимание на женщину, которую уже схватили за руки двое солдат.

– Где он? – отрывисто спросил господин.

– Помилуйте, ваша светлость, кто «он»? – залепетала хозяйка, резко и сильно бледнея.

Господин не удостоил ее ответом, лишь кивнул своим. Офицер – седой, солидный – шагнул к скрытой занавеской двери в горницу, рывком распахнул ее. Обернулся:

– Здесь!

Господин отодвинул онемевшую Жаклину, неторопливо двинулся в горницу. Войдя, остановился на пороге, удовлетворенно улыбнулся.

– Ну, здравствуй, что ли... господин беглый каторжник.

Светловолосый молодой человек, лежащий на кровати, попытался приподняться – не получилось, одарил вошедшего ясной улыбкой.

– Здравствуй и ты, господин узурпатор. Давно не виделись, правда?

Одним движением господин оказался у кровати. Несильно, но точно ткнул кулаком лежащего – тот беззвучно упал на постель, голова его безжизненно мотнулась. Господин обернулся к своим:

– Взять.

Дико закричала хозяйка, метнулась в горницу, упала на колени:

– Ваша милость, пожалейте! Слабый он еще, куда вы его?

– И ее с собой, – распорядился господин, брезгливо вытирая руки.

Повернулся и вышел.

Онемевшая улица следила, замерев от ужаса, как выволакивали из дома – руки безжизненно повисли, на повязках, охватывающих тело, расплываются темные пятна – юношу со светлыми волосами; как кричит и бьется в руках солдат тетка Жаклина, добрая соседка, лекарка, зла никому не сделавшая; как один из офицеров походя пинает сапогом кошку, в недобрый час попавшую ему под ноги. Арестованных швырнули в карету, господин и офицеры вскочили верхом, солдаты забрались на запяжки. Миг, свист кнута, стук колес – и нет никого, точно при-

виделось. Тишина на улице. Только жалобно хлопает под порывом налетевшего спасительного ветра незапертая дверь маленького домика....

... Рядовой Жан Вельен дико вскрикнул и дернулся, рывком сел на кровати.

Приснится же такое... Жан закусил край одеяла. Прав ведь парень. Покуда он у них, жить им да бояться. Может, и вправду лучше – отнести записку да скинуть с плеч тяжесть? Вот же навязалась беда на голову...

Быстрее бы уж, что ли, увольнительная...

Ночь, до рассвета еще далеко, храпит казарма. В распахнутое окно льется свежий осенний воздух. Жан ошалело помотал головой и упал обратно на кровать.

* * *

Смерть короля Августа Первого поставила Лерану в затруднительное положение. Впервые за почти пять сотен лет страна осталась без короля, а королевский род пресекся. Так было во времена Первой смуты, о которых помнили теперь разве что историки; в народе, правда, до сих пор жила легенда (или сказка) о принцессе Альбине, но это была именно сказка. Придворные историографы и летописцы цитировали старые книги, проводили параллели, но дальше предположений и сравнений дело не шло; вопрос «что теперь делать?» занимал умы гораздо больше, чем какие-то совсем давние, почти сказочные времена.

Прямых наследников рода Дювалей не осталось. Его Величество Август хоть и являлся только троюродным племянником короля Карла Третьего, какие-то права на престол все-таки имел – за неимением лучшего. Теперь страна стояла перед выбором: либо идти под руку Версаны (королева Марианна принадлежала к дому Дювалей сразу по двум линиям), либо искать родственников королевского рода среди непрямых потомков. Таких, например, как герцог Густав Гайцберг, при Карле Третьем – министр внутренних дел, шеф тайной полиции, ныне лорд-регент. Гайцберг был не в пример ближе...

Надо ли говорить, что не прошло и недели, как лорду-регенту присягнул почти в полном составе Государственный Совет. «Корона Лераны лежит ныне в пыли, – сказано было лордами. – Мы просим вас, милорд: поднимите ее. Стране нужен король. Мы клянемся вам в верности». Надо ли говорить также, что Гайцберг не заставил себя просить дважды.

Все было предсказуемо, думал лорд Лестин, оставаясь один вечерами, и смотрел, как играет огонь дровами в камине, и вспоминал прошлое. С некоторых пор ему осталась одна радость – вспоминать. Наверное, так приходит старость – события дней минувших кажутся яркими и живыми, в противовес событиям нынешним, бледным и тусклым. Его мало трогала вся эта шумиха, траурная суматоха и почти паника, охватившая дворец. С того самого дня, как Гайцберг объявил о гибели Патрика, все потеряло смысл. И даже чувство вины – «Не уберег!», терзавшее старого лорда, стало почти привычным. Не уберег... не выполнил просьбу Карла, старого друга... не уберег воспитанника, почти сына, которого любил и которым гордился... не сберег короля для страны. И что за печаль, если нет его вины в том, как погиб Патрик, все равно – не уберег. Больше ничего не осталось в жизни, за что стоило бы цепляться, чем стоило бы дорожить. Лестин равнодушно воспринял известие, что он выведен из состава Государственного Совета – теперь это было не важно. Только арест Марча ударил его, как ножом по живому, но и эта боль быстро стала тупой и привычной.

Лорд Лестин не запил, не опустился, не уехал в поместье, как ожидали многие, и даже не заболел. Как прежде, появлялся во дворце каждый день, аккуратно и просто одетый, вежливый, спокойный. Сам он не смог бы объяснить, зачем приезжает так часто, ведь теперь его присутствие не требовалось, а воспитывать было попросту некого. Зато он заходил почти ежедневно к принцессе Изабель и старался, как мог, ободрить и развеселить ее... в глубине души старый лорд чувствовал, что эта девочка с заледеневшими темными глазами – единственный живой

человек, который ему нужен. Сходство с братом, прежде почти незаметное, придавало ей особое очарование, так нужное сейчас одинокому старику. В свою очередь и Изабель, видимо, инстинктивно чувствовала, что она нужна, старалась быть с лордом как можно мягче. Хотя, думал Лестин, может быть, и она просто ловит в старом воспитателе тень брата – ведь лорд Лестин и его воспитанник были очень близки прежде. Лестин помнил Патрика живым и не верил в его виновность – это было для Изабель самым главным; с Лестином могла она говорить свободно, не опасаясь ненужных упреков или увещаний, могла смеяться и вспоминать самые мелкие, прежде такие незначительные подробности.

Маленькая принцесса, как все еще по привычке называл ее про себя Лестин, оказалась, видимо, никому, кроме сестер, не нужной теперь. С матерью, насколько мог он понять, Изабель не виделась неделями; что уж там между ними было – темна вода, но даже общая потеря не сблизила мать и дочь, как можно было ожидать, а даже больше отдалила их друг от друга. Принцесса проводила почти все свободное время с близняшками-сестрами, но вечерами все-таки оставалась одна. Штат фрейлин ее не убавился, конечно, но Изабель перестала принимать участие в их забавах; впрочем, траур по королю Августу развлечений и так не предусматривал. Лорд Лестин часто думал, что ждет ее дальше. Кому она нужна, дочь прежнего короля... вероятнее всего, Густав, став правителем, выдаст ее замуж за кого-нибудь из соседних принцев; не она первая и не она последняя, принцессы редко выходят замуж по доброй воле и любви.

Маленького Августа похоронили в королевской усыпальнице со всеми положенными по протоколу почестями. И забыли на диво быстро, озабоченные делами текущими, суетой, жизнью. За всеми этими церемониями, приспущенными траурными флагами, отменой увеселений во дворце, соболезнованиями от иностранных послов потерялся маленький веснушчатый мальчик с веселыми ямочками на щеках. Не было мальчика, был король, «король вообще» – самая нужная и самая бесполезная фигура в дворцовой иерархии. Можно легко заменить одну фигуру с таким именем на другую – никто и не заметит подмены. Только золотоволосая девушка в траурном платье приходила вечерами в усыпальницу и долго стояла над красиво изукрашенной могилой. Лестин видел ее однажды, когда, сам терзаемый смутным чувством вины перед малышом, пришел сюда, чтобы в очередной раз коснуться пальцами выбитых на могильной плите букв имени, увесистого, длинного имени. А Изабель не видела его, она вообще никого не замечала, стояла, глядя в никуда, порой смахивая с щек слезы... о чем она думала? Вспоминала мальчика? Или думала о том, другом, о котором и говорить, и напоминать ныне запрещено?

Знал ли вообще этот малыш, думал порой Лестин, что он – король? Может, и знал – по-детски, как в сказке, где «жили-были король с королевой, и не было у них детей...» Вот, оказывается, чем оборачивается для страны это «нет детей» – смутой и безвластием, паникой и угрозой быть растерзанными соседями. Кто бы мог подумать, как мудры старые сказки.

Минул месяц, самый тяжелый после смерти близкого человека и самый трудный в междувластии. Коронация Гайцберга – нет, уже Густава Первого – состоится в ноябре; уже разосланы приглашения королям Версаны, Элалии и Залесья. Лестин взирал на суету во дворце с полнейшим равнодушием – его это все равно не касалось. Лорд Марч, по слухам, был выслан в свое поместье в провинции Тарской; поразительно, думал Лестин, отчего не тюремное заключение, отчего не казнь – всего лишь ссылка, за связь с опасным государственным преступником – слишком легкое наказание. Не иначе, Густав на радостях смягчился.

Воскресное это утро ничем не отличалось от прочих. Как обычно, лорд Лестин смог уснуть уже на исходе ночи; как обычно, утром долго валялся в постели – теперь торопиться было совсем некуда. С грустью подумал лорд, что тревога и опасность имеют свои плюсы: они держат нас в напряжении и не позволяют расслабиться, но при этом не дают расхандриться окончательно. Сейчас, будь жив Патрик, ему бы наверняка пришлось мчаться куда-нибудь с утра пораньше, да еще и с оглядкой, да еще и придумывая тысячи причин для своего отсут-

ствия. Минуло время подвигов, вздохнул Лестин, осталась нам, старикам, только мягкая кровать да старые, гудящие на непогоду кости. Кости, кстати, и правда ломило – видно, к дождю. Осень в Леррене еще не наступила, но октябрь – уже не лето, до затяжных дождей осталось не так уж много.

Только к полудню Лестин встал, наконец, с постели, кряхтя, облачился в халат и спустился в столовую. Он уже допивал кофе, когда на пороге вырос слуга и сообщил, что там в передней лорда спрашивают.

– Кто спрашивает? – удивился Лестин. – Из дворца?

– Нет, ваша милость, не из дворца, а от кого-то неизвестный посыльный. Изволите принять?

Лестин подумал.

– Зови сюда. Или нет, подожди – сам к нему выйду.

Кому бы это быть? Наверное, графиня Экташ просит вечером в карты: третьего дня Лестин с удивлением обнаружил в старой даме, приехавшей во дворец просить за внука, истинную ценительницу такой престонародной, многими дворянами презираемой, а им, Лестином, любимой игры в дурака. Настроение вмиг поднялось – старую графиню лорд уважал, как мало кого – была она резка, решительна и умна, и действовала, не оглядываясь на мнение «общества», как оглядывались многие дамы ее круга.

Солнце заливало лучами неширокий холл, и посыльный – коротко стриженный коренастый мужик лет чуть за тридцать – обливался потом, мялся на пороге, комкая в руках шапку. Одного взгляда на нескладную, нелепую фигуру Лестину хватило, чтобы понять: перед ним переодетый солдат. Оттого и нелепым казался он, что не привык носить штатское, что не знал, куда девать руки, если они не вытянуты по швам. Круглое лицо мужика обильно усыпали бисеринки пота.

Это было уже странно: ни у графини Экташ, ни у кого-то другого из знакомых Лестину дворян переодетых солдат в слугах не водилось. Привычной настороженностью откликнулось сердце. Лестин еще не осознал, откуда она, а уже тревога толкнулась в душе.

– Чего тебе? – спросил он, останавливаясь в дверях.

Мужик вздрогнул, обернулся. Сделал шаг навстречу.

– Вы лорд Лестин? – голос его звучал умоляюще. – Велено лично вам передать...

– Я. Кем велено? Что передать?

Мужик придвинулся совсем близко, обдав его запахом терпкого пота, оглянулся. Отер ладонью губы.

– Велено передать... – совсем тихо сказал он. – Халкин опять понес.

– Что? – не понял Лестин. – Какой Халкин? Куда....

Сердце пропустило положенный удар и застучало, как сумасшедшее. Халкин. Понес. Понес Халкин.

Понес Халкин!

...Это случилось лет, кажется, девять назад. Лорд Лестин и наследный принц поехали, помнится, кататься верхом и уехали довольно далеко от города. Под Патриком был тогда недавно обьеженный, довольно своенравный молодой жеребец Халкин, подарок королевы Версанской; принц им страшно гордился и впервые умолил отца отпустить его на верховую прогулку на новом коне. Как уж так случилось, что они заехали так далеко в лес, Лестин не помнил; забыл также и то, что напугало непривычного к лесным запахам и звукам жеребца. Халкин понес. У двенадцатилетнего Патрика хватило храбрости и умения спустя несколько миль остановить и успокоить коня, но что пережил за эти минуты Лестин, знал только он сам. Когда примчавшийся вдогонку воспитатель обнаружил принца не только живым, но и целым, хоть и изрядно перепуганным и растрепанным, у него не просто камень с души свалился – он понял, что заново родился на свет. Халкин, тяжело дышащий, в мыле и пене, выглядел страшно

довольным собой, а мальчишка, увидев смертельно бледного воспитателя, сполз с коня и начал вдруг икать и хохотать, как сумасшедший. Его Величество остался, конечно, в счастливом неведении относительно этой истории. А для Патрика и Лестина с тех пор это стало чем-то вроде кода, просьбы о помощи, в которой нельзя было отказать. Так просил принц о разговоре наедине, когда впервые влюбился в отцовскую горничную в четырнадцать лет и мучился целый месяц, не понимая, что с ним происходит. Так он пришел к Лестину после единственной и очень тяжелой ссоры с Изабель, и тогда лорду пришлось мирить детей, никогда прежде не ссорившихся и жизни друг без друга не мыслящих. Такие слова передал Патрик, когда его арестовали. И вот – теперь...

Но это значит, что он – жив?!

Лестин поднял ошарашенный взгляд на посыльного. Попятился в гостиную, поманил обалделого солдата за собой, плотно прикрыл дверь. Шепотом крикнул:

– Где он?!

– У тетки моей, – так же шепотом ответил солдат. – В слободе. Я расскажу, где.

– Как давно?

– С месяц, что ли...

– Живой?!

– Живой, но не очень. Раненые они...

Лестин тихо выдохнул.

– На словах что просил передать?

– Вот – про Халкина. И еще что жив. И прийти просил.

– Где живет эта твоя тетка?

– Я сейчас расскажу. Только, ваша милость... – Жан запнулся, но глаза его глядели умоляюще и строго. – Вы либо сегодня до вечера придите, либо через неделю только. У меня увольнительная... чтоб я дома был. Я вас в лицо знаю, а тетка – нет... вдруг кто чужой увяжется или еще что. Мне за них быть спокойным надо. Обещаете?

Лестин, помедлив, кивнул.

– Я приду сегодня же...

– Не позже вечера только, хорошо? У меня ж увольнение до полуночи. А найти нас просто – дом на самой окраине...

* * *

День обещал быть теплым и солнечным, и никого в доме не удивило, что лорд после обеда собрался на воскресную прогулку. Он отказался от кареты, заметив, что еще не так стар, чтобы не усидеть на лошади, и не взял никого из слуг. При этом оделся как можно проще и сапоги натянул старые, разношенные, удобные на ноге. Надевая плащ, Лестин мимоходом обронил, что отыскал на окраине города чудную оружейную лавку, где встречаются кинжалы и шпаги, привозимые Бог весть откуда. Нынче воскресенье, и Ворота закроют позже, так что если он задержится к ужину – не беда, только аппетит нагуляет.

Он ехал неторопливо, отпустив поводья, и смотрел по сторонам, изредка потирая левую сторону груди. Непривычно сильно болело сердце. После недели дождей улицы казались промытыми и, несмотря на жидкую грязь под ногами, почти праздничными. Вот только лица прохожих, несмотря на воскресенье, казались по-будничному озабоченными.

Мимоходом лорд подумал, что слишком часто встречает теперь такую вот печать озабоченности и – что греха таить – настороженности на лицах встречаемых. И неважно, во дворце или на улице – словно прислушиваются люди, словно недоумевают, что же дальше будет и как жить. А может быть, мелькнула мысль, это ему лишь кажется – у самого на душе тяжело, вот и видит в других все, что у самого болит. На воре шапка горит, усмехнулся старый лорд.

Миновав рынок, Лестин покосился на темную громаду Башни и вздохнул. Лорд Марч... если бы тогда, месяц назад, он точно знал, что сможет помочь, рванулся бы на помощь, не раздумывая. Все равно надеяться больше не на что...

Если, конечно... если то, что он услышал сегодня – не сказка и не выдумка. И не яма, в которую с размаху лезет старый придворный, потому что жить без веры – еще страшнее.

Солнце клонилось к закату. Через Ворота тек сплошной людской поток: торговцы, ремесленники, крестьяне разъезжались с ярмарки. Стражники у ворот парились в тяжелых доспехах и, сняв шлемы, вытирали взопревшие лбы – день выдался почти по-летнему жарким. Лестин подумал, что и он оделся сегодня слишком тепло, но сразу за Воротами ветер хлестнул холодной плетью – уже осенний, вечерний, зябкий.

Дорога, которую указал солдат, вела из города к поместью графа Радича. Если то, что рассказал солдат, – правда, то пока все вроде совпадает. Как же он, бедняга, волок раненого – ночью, от каждой тени шараясь? Простой мужик, солдат... Господи, неужели это – правда? Лестин поднял голову, взглянул в высокое, без единого облачка, небо и перекрестился украдкой. Или Ты и правда любишь нас, что помогаешь – вот так, почти чудом?

Лавка торговца оружием выделялась среди домиков и домишек узорчатой вывеской. Лестин привязал лошадь у входа и неторопливо поднялся по ступеням. Прозвенел в глубине колокольчик, метнулся из-под ног серый кот, пахнуло теплом и оружейной смазкой. Хозяин – щекастый малый с черными пристальными глазками, увидев лорда, расплылся в улыбке и выложил на прилавок едва ли не дюжину изящных стилетов. Лестина знали и уважали здесь; спустя несколько минут болтовни ни о чем, а более всего о свойствах привезенных из-за моря кинжалов хозяин украдкой кивнул на незаметную дверь за стойкой.

Черный вход выходил во дворы, а оттуда дорога известная – не впервой. Через пару минут коренастый, закутанный в простой плащ буржуа неторопливо шагал по пыльной деревенской улице.

Маленький, неказистый дом в самом конце улицы Лестин узнал сразу – солдат описал его точно. Низкое солнце золотой кистью мазало маленькие, подслеповатые оконца и кривовую яблоню во дворе. Труба дымила – видно, по осеннему времени уже начали топить печь. Калитка не заперта; из подворотни выскочил навстречу кудлатый щенок, но лаять не стал, приветливо обнюхал нежданного гостя. Лестин решительно повернул щеколду.

Чисто выметенный маленький дворик, поленница, в глубине – сарайчик. Невысокое деревянное крыльцо... скрипнула дверь, из избы вышел давешний посыльный – Лестин признал его по неторопливой походке. Всмотрелся, приставив ко лбу ладонь козырьком, чуть приметно улыбнулся. Подумал, поклонился.

– Доброго вечера, ваша милость, – негромко проговорил солдат. – Заходите в дом... я только дров наберу, мигом.

Холодало. Лестин поежился, плотнее запахнув плащ. В темных маленьких сенях он едва не стукнулся лбом о притолоку, отыскивая дверную ручку. После темноты его ослепил закат, бивший в окна кухоньки, и Лестин не сразу разглядел хозяйку – худую, широкоплечую тетку, взовишующую у печи.

– Бог в помощь, хозяева. Гостей привечаете ли?

– Ой, матушки, – испугалась хозяйка и обернулась. Удивленно посмотрела на вошедшего – и склонилась в поклоне. Не обманули ее ни скромность одежды, ни поношенные сапоги и шляпа. Такие важные птицы, видно, не залетали в небольшую эту избу, но тетка поклонилась без боязни, хотя и настороженно. – Добрый вечер, ваша милость...

– Не пугайся, тетка, – проговорил возникший за спиной утренний знакомец. – Свой это. Тот самый. Ничего. Лучше свечу зажги – видишь, гость важный...

Лестин шагнул на середину, растерянно обвел глазами комнату. Обернулся к солдату:

– А где же...

– Сюда, ваша милость, – кивнул ему солдат.

Тетка ошупала пришедшего настороженным взглядом. Чуть помедлив, сказала:

– Только недолго, ваша милость. Слабый он еще. И чтоб не тревожить, чтоб никаких плохих известий... – и закончила решительно: – Иначе выгоню сразу, не посмотрю, кто вы есть!

Солдат хмыкнул не то осуждающе, не то одобрительно. Подошел к занавеске, прикрывавшей вход из кухоньки в горницу, просунул голову, что-то сказал. Обернулся, давая пройти, отступил...

Не в лад стукнуло сердце. Очень спокойно, неторопливо Лестин вошел в горницу. Остановился, обвел глазами комнату. Прислонился к косяку.

– О Господи... – едва слышно выдохнул он.

– Лорд Лестин... – лежащий на узкой деревянной кровати приподнялся.

Жан внимательно посмотрел на обоих – и тихонько вышел, притворив дверь.

На негнущихся ногах Лестин подошел, опустился на колени рядом с постелью. Осторожно положил ладонь на бессильные пальцы, другой рукой провел по растрепанным светлым волосам.

– Мальчик мой... Живой... – перехватило горло.

Патрик, повернувшись, уткнулся лицом в его широкую ладонь и замер.

Несколько секунд они молчали.

Потом Патрик поднял голову и слабо улыбнулся.

– Все случается так... как должно... правда?

Лестин провел пальцами по его лицу, отнял ладонь.

– Нет, Патрик. Просто судьба сама выводит. Вот она и вывела... Как вы уцелели, мой принц?

– Долго рассказывать... А вы... как узнали?

– О! – Лестин усмехнулся. – Лорд-регент – а теперь уже Его Величество – был столь любезен, что сообщил нам о вашей гибели. Комендантский час в столице снят, патрули из провинции убраны. Теперь все спокойно.

– Очень мило с его стороны, – Патрик говорил медленно, негромко. – Что с Марчем? Он не пострадал?

– Марч был арестован, а теперь выслан из столицы, – тихо ответил Лестин, вставая и садясь на край кровати.

Патрик шепотом выругался, глядя в потолок. Поднял голову.

– Почему... Его Величество? А... а что же Август?

– Мой принц, давайте не будем сейчас о делах. Вы еще не вполне окрепли. Может быть, после?

– Нет, Лестин, сейчас. Что с Августом? Что вообще происходит?

Лестин вздохнул.

– Ваша хозяйка меня убьет, если я стану рассказывать вам все и сразу. Она строго-настрого предупредила: недолго и немного, и никаких тяжелых известий.

– Лорд Лестин, что с Августом? Что случилось? Переворот? Да говорите же! – шепотом крикнул Патрик.

Лорд оглянулся, подошел к двери, прислушался. Плотно закрыл, отрезая звуки соседней комнаты. Осторожно сел рядом – и заговорил.

– ... Отец, что ли, евонный? – прошептала Жаклина, косясь на закрытую дверь.

– Не знаю, – Жан был мрачен. – А тебе не все ли равно?

– Да нет, не отец вроде, – деловито сновали пальцы – Жаклина перебирала крупу. – Отец бы уж давно примчался. Да и не похожи они вроде. Может, дядя?

– Тебе, тетка, какая разница? Главное, что заберут его отсюда, вот и все.

– Интересно же...

– Вам, бабам, лишь бы интересно. Еще бы толк был с вашего интереса...

– А ты помолчи-ка, умный какой. Сам мне эту обузу навязал на голову, еще теперь и рот затыкает. Я ж никому, только тебе. Сама понимаю, не дура.

– И что ж ты понимаешь?

Тетка оглянулась, тщательнее зашторила окошко.

– А то и понимаю. Видать, не простой этот парень. Видать, птица важная. И думается мне, что не просто так он в канаве той валялся. И не просто так в рудники попал. Может, и не разбойники вовсе его ухлопали. Может, свои же... наследство делили или еще как. А он выжил – вот и прячется теперь. А этот, дядя-то – он, видать, из богатеньких. И видно, любит его.

– Может, и так, – пробурчал Жан. Эх, тетка, тетка, знала бы ты...

Он осторожно поднялся, бесшумно прошел к двери в горницу, прислушался. Переплетались негромкие голоса, слов не разобрать. Жан украдкой перекрестился. И не надо! Целее будешь...

...Они говорили долго. Лестин, слушая принца, то морщился, то неслышно вздыхал. О том, что случилось с ними со времени следствия и суда, Патрик рассказал очень скупое. О Вете и своей тревоге за нее – подробно... и ему стало легче, когда он не увидел на лице лорда этой непонимающей, сожалеющей усмешки.

Несколько раз в комнату заглядывала возмущенная тетка, но, наткнувшись на требовательный, молящий, отчаянный взгляд Патрика, вздыхала и снова скрывалась за дверью. Заглянув в третий раз – уже село солнце, сумерки протянулись в комнату, – Жаклина внесла в комнату свечу; подошла, провела пальцами по повязкам, предупредила: «Скоро ужин, а потом перевязка». Патрик кивнул, подавив вздох.

– Что же нам с вами делать, Патрик, – задумчиво проговорил Лестин, когда тетка вышла.

Патрик помолчал.

– Пока что вам нужно уехать из столицы как можно дальше, – неторопливо сказал Лестин. – Надолго.

Патрик качнул головой.

– Лорд Лестин, я не могу. Я должен ее найти. Я понимаю: мне нужно исчезнуть – самое меньшее на полгода, чтобы обо мне забыли. Но... за полгода я окончательно потеряю шанс разыскать ее. Сейчас это еще можно сделать, а потом... Бог весть куда могла Вета уйти или попасть. Сейчас она еще может быть жива, но...

– Патрик, – очень мягко проговорил Лестин, – давайте не будем делать глупостей. Уехать сейчас вам необходимо по нескольким причинам. Во-первых, действительно нужно, чтобы о вас забыли. Хотя бы на полгода. Вы же понимаете это не хуже, чем я.

Патрик кивнул и невесело усмехнулся.

– Во-вторых, вам нужно просто отлежаться и окончательно поправиться. И это вы тоже знаете не хуже меня. Вы не держитесь на ногах, вам необходимо долечиться и окрепнуть. Для той жизни, которую вам придется вести в ближайшие несколько лет, нужны силы. Очень много сил, Патрик. Поэтому... ну, вы ведь сами все понимаете, мой принц.

– Понимаю, лорд Лестин. Понимаю. И все же... Вета – одно из немногих, что еще привязывает меня к жизни. Она... в ней душа моя. И если, не приведи Господь, с ней что-нибудь случится... Единственное, на что у меня остается надежда – что она могла-таки объявиться родителям. Тогда я хотя бы буду уверен, что она в безопасности.

– Я видел графа Радича месяц назад, – задумчиво сказал Лестин. – Он выглядел чуть лучше, чем летом, но по-прежнему был удручен и подавлен. Вы ведь знаете, что летом умерла его жена?

Патрик прикрыл глаза.

– Нет. Я не знал... Упокой, Господи, ее душу, – с трудом проговорил он. – А я так мечтал о той минуте, когда смогу назвать ее матушкой.

– Графиня Радич была одной из немногих женщин, которых я уважал, – грустно заметил Лестин. – И... одно время я боялся, что Карел лишился рассудка. Словом, могу ручаться, он так и не знает о том, что дочь жива.

– Видимо, Вета не решилась пойти к отцу, – тихо сказал Патрик. – Не знаю уж, из-за чего... или из-за кого. Мне остается только гадать.

– Теперь уже и не пойдет, – вздохнул лорд. – Радич выслан из столицы... сразу после вашего... – он закашлялся.

– Можно и не спрашивать, за что, – после паузы шепотом проговорил принц.

– Кто знает, Патрик, может, и не из-за вас – ведь его даже не арестовали, сразу выслали. А что касается Иветты... не думаю, что девушка могла уйти очень далеко, – рассудительно проговорил Лестин. – Вероятнее всего, в преддверии зимы она стала искать себе крышу над головой. Подумайте, Патрик, вспомните: она говорила вам о каких-нибудь родственниках или монастырях, где могла бы укрыться?

Патрик покачал головой.

– Нет. Вета говорила, что есть у нее на Севере какая-то тетка, но... вряд ли. Дорога туда неблизкая. И потом, Вета ведь, наверное, так и не знает о том, что со мной случилось. Если ее арестовали... – он суеверно сплюнул через левое плечо, – ну, в общем, ее ведь не было там, она не видела моей могилы. Она, наверное, тоже меня ищет.

– Так вы можете искать друг друга много лет, – вздохнул Лестин. – Но, Патрик, сейчас главное – не это. Совсем не это.

Патрик невесело улыбнулся.

– Лорд Лестин, всякий раз, когда меня заносило, вы один умели возвращать меня с небес на землю. Но сейчас... наверное, я вырос, правда?

Лестин улыбнулся и не ответил.

Несколько минут они молчали. Свеча, потрескивая, оплывала, по потолку протянулись длинные тени.

– Ладно, мой принц, – сказал, наконец, Лестин и осторожно погладил его по руке. – Я постараюсь что-нибудь сделать... узнать все, что смогу. Многого не обещаю, но...

– Спасибо.

– Но обещайте и вы мне, Патрик...

– Что? – улыбнулся он. – Лежать тихо и не делать глупостей? Так у меня для этого сейчас возможности нет.

– Именно. Лежать очень тихо, лечиться, набираться сил. И ни в коем случае не делать глупостей: хотя бы до тех пор, пока я не увезу вас отсюда. Нужно устроить все как можно скорее. Этим людям, если вас здесь не будет, тоже станет спокойнее. Мне кажется, ваша хозяйка не очень-то рада такому постояльцу.

...Тетка Жаклина, как выяснилось, была об этой идее другого мнения.

– И думать не смейте, – решительно заявила она, едва услышав вопрос лорда, когда можно будет увезти раненого. – По нашим дорогам – такого тяжелого тащить? Вот-вот распутица начнется... а ну как застрянете на полпути, тогда как? У него только-только раны закрылись, а вы его по ухабам. Завяжете вовсе.

– Что же делать? – против обыкновения, не очень решительно спросил Лестин.

– Чего тут думать-то? Здесь его оставьте пока. Пусть оклемается немножко да на ноги встанет. Вот как санный путь установится – тогда и скатертью дорожка, а пока... – она махнула рукой. – Бог не выдаст, свинья не съест.

Лестин внимательно посмотрел на тетку.

– Я заплачу вам, сколько скажете, – негромко проговорил он.

Жаклина кивнула.

– Спасибо, ваша милость. Нам, скрывать не стану, накладно это, так что деньгам всегда рады будем. Но вы не сомневайтесь – я его не оставлю. Даром, что ли, столько ночей у его постели сидела? Жалко ведь, не чужой стал... – она вздохнула.

– Спасибо, – очень тихо проговорил Патрик.

Когда тетка вышла, он посмотрел на Жана. Солдат поймал этот взгляд – и решительно тряхнул головой.

– Права тетка, ваша милость. Куда вам сейчас ехать, в дороге загнетесь. Ну, а про то, что... – он не договорил, – так вы не беспокойтесь. Я молчать стану, а Жаклина... она тоже себе не враг. Да она и не знает вроде.

– Но догадывается, – заметил Лестин.

– Ничего. Не дура же она, в конце концов. Промолчит.

Жан потоптался нерешительно и неловко заметил:

– Вы, ваша милость, бледный какой... сильно худо?

– Ужинать, – раздался из-за двери голос тетки. – Поди сюда, Жан, помоги мне на стол накрыть. А вы, сударь, закругляйтесь-ка. Не все в один раз, оставьте и на потом новости.

Патрик едва слышно засмеялся.

– Строгая мне попалась хозяйка...

– А ведь она права, Патрик – задумчиво проговорил Лестин. – Везти вас куда-то сейчас – именно сейчас – безумие: вот-вот начнутся дожди. Видимо, придется довериться им и остаться здесь до зимы.

– Ну, если Жаклина до сих пор не донесла на меня, то вряд ли сделает это в ближайшее время. Как она сказала: Бог не выдаст – свинья не съест? – Он опять засмеялся.

– Ох, как не хочется мне оставлять вас здесь, – вздохнул старый лорд.

– Полно, Лестин. Это место сейчас – самое надежное из всех, что могли бы быть. Как говорил один хороший человек, – Патрик помрачнел, – все плохое, что могло случиться, уже случилось...

– Дай Бог, чтобы это было так, мой мальчик.

– Лорд Лестин... – Патрик явно устал и говорил с трудом, прерывисто и коротко. – Моя сестра... расскажите о ней.

Лорд помолчал, поглаживая бороду, задумчиво посмотрел на дверь. Потом поправил на лежащем одеяло и вздохнул.

– Что я могу рассказать вам, мой принц? Не скажу, что новости эти утешат вас, но, по крайней мере, она жива и здорова...

Он помрачнел.

– Ее высочество очень тяжело перенесла смерть Его Величества. После похорон единственной ее отрадой стали младшие сестры – и Его Величество Август. Принцесса проводила с ними целые дни... читала, играла, даже гуляла, выпроваживая нянек. За все месяцы, прошедшие со времени вашего... – он запнулся, – отъезда во дворце не было ни одного бала, кроме, разумеется, официальных. Мне кажется, ее высочество жила только надеждой на встречу с вами... она писала вам – но ни одно письмо ей отправить, насколько я знаю, не позволили.

– Одно, – тихо сказал Патрик. – Я получил... одно.

– Поразительно. Значит, она нашла пути в обход официальной почты. Ну, потом был ваш побег – и Изабель, кажется, поверила, что снова увидит вас. Потом лорд Марч сообщил ей, что вы живы – это же вы просили его об этом? И я словно увидел перед собой прежнюю Изабель. Она так смеялась и щебетала, что я понял – она знает, что вы живы и в столице; ничего иного и быть не могло. Порой мне становилось страшно – Гайцберг не глупец, он мог сообразить, что к чему, ведь это было в те дни, когда уже заболел малыш Август. Король болен, а тут – такое счастье в глазах принцессы... ей повезло, что тогда у лорда-регента было много других забот. Ну, а потом... – лорд Лестин умолк.

– Говорите.

– А потом лорд-регент сообщил ей о вашей гибели. Сам. Я... видел ее высочество в тот день. Честно сказать, я испугался за нее. Мне показалось даже, Изабель не в себе – так стала она похожа на мать...

– Если бы я знал... – прошептал Патрик.

– Но через три дня умер Август – и всем нам стало не до того. Я, правда, старался хотя бы раз в несколько дней увидеть ее высочество, поддержать ее... словом ли, подарком ли... Но все же ей было очень тяжело.

– А теперь? – глухо спросил Патрик.

– А теперь... не могу сказать, что все очень плохо. Но и что хорошо – тоже не могу. Она... прежней Изабель больше нет. Да, наверное, это и к лучшему. Нас ждут тяжелые времена – всех, всех.

Он смолк.

– Лестин... – проговорил Патрик после недолго молчания. – Это, быть может, покажется вам странным... но я прошу – не говорите пока принцессе о том, что я жив.

– Почему, Патрик? – очень мягко спросил лорд.

– Пусть лучше она оплачет меня один раз, чем вновь обретет и опять потеряет. Все слишком ненадежно сейчас.

– А вам не жаль ее?

– Я не хочу ей нового горя, – шепотом сказал Патрик. – У меня все внутри переворачивается, когда я думаю, что мои сестры в руках этой скотины Гайцберга. Колобки еще малы и пока никому не нужны, но Изабель...

– В его руках не только ваши сестры, мой принц, – тихо заметил Лестин. – В его руках – страна, которой вы нужны. А Изабель... она-то сейчас в наименьшей опасности. Говорят, Его Величество собирается – правда, пока это только слухи – взять ее в жены. Если ее высочество согласится, ей ничего не грозит.

– Что? – воскликнул Патрик, рывком садясь на постели. – Что?!

Договорить он не сумел. От резкой боли потемнело в глазах, мир угрожающе поплыл, стало тяжело дышать. Лестин вскочил, опрокинув табурет, опрометью вылетел из комнаты...

Очнулся Патрик от негодующего голоса тетки Жаклины и резкой вони от тряпицы, сунутой ему под нос:

– И дурак же ты, дурак, – ругалась тетка, проводя пальцами по его повязкам. – И кто ж тебя надумил скакать, ты же слабый еще! Ну вот, пожалуйста – все-таки промокли, потревожил. Ладно, все равно пора уже... Жан, тащи сюда этот поднос! Еще раз если такое увижу – к постели привяжу, ясно? А вы, сударь, коль не умеете разговаривать с больными, гуляйте-ка отсюда, пока не позову. А то не пущу в другой раз. Гуляйте, гуляйте, нечего!

Уходя, Лестин незаметным кивком головы поманил за собой Жана. В темных, маленьких сенях они очутились лицом к лицу, и Вельен услышал тяжелое дыхание немолодого и уставшего человека.

– Спасибо тебе, солдат, – тихо проговорил Лестин. – Спасибо!

– Да не за что, ваша милость, – поспешно ответил Жан.

В темноте зашелестела ткань, приглушенно звякнули монеты.

– Это тебе, – в руку Жана ткнулся маленький, но увесистый мешочек. – Здесь и золото, и серебро – чтоб не менять, не светиться. Это тебе – и ей, тетке твоей. Знал бы ты, рядовой Жан, что ты сейчас делаешь... кого ты спасаешь.

– Да знаю я все, – так же торопливо проговорил Жан. – Знал с самого начала. Это ж ведь я его закопать должен был... счастье еще, что живым остался.

– Что я могу для тебя сделать, Жан?

Солдат махнул рукой.

– Забудьте про нас поскорее, ваша милость, вот что лучше всего будет. Мы люди маленькие. Если, не приведи Боже, его... высочество возьмут... или вас допытывать станут – что да как, так мне ведь головы не сносить. Да мне-то давно уже ее не сносить, я командиру солгал и каждую минуту ареста жду, а вот тетка Жаклина... Она-то – лишь из-за того, что по совету поступить смогла, а не по указу... – он сбился, махнул рукой. – За нее боюсь я. Мне – не страшно, а вот ей... Так что вы уж не выдавайте нас, ваша милость. Вы, видно, человек большой – там, при дворе, а все равно все под Богом ходим. Не вспоминайте про нас – нам другой благодарности не надо. И заберите его отсюда поскорее, а то уже соседи коситься стали...

– Раньше зимы – не могу, – чуть виновато сказал Лестин. – Да и Жаклина – слышал же, что она сказала?

– Ну, до зимы дотянем как-нибудь. А там... уезжайте, и пусть вам Бог поможет. Нам королевское спасибо без надобности.

Лестин нащупал и пожал его руку.

– Это не королевское, Жан, это от меня – понимаешь? от меня лично – спасибо.

– Видно, дорог он вам? – неловко спросил Вельен.

Лестин молча кивнул.

– Ну, если так, мне спокойнее будет, ваша милость. Значит, не бросите вы его... не только из-за власти, а еще и – так...

Лестин тихо усмехнулся.

– А ты сомневался? Эх, солдат, солдат... Ну, прощай. Пора мне.

Скрипнула входная дверь. В темных сенях, заглушая запах капусты и дров, еще витал едва уловимый аромат дорогих духов и тонкой одежды. Жан задумчиво подбрасывал в руке мешочек с деньгами.

* * *

Следующий месяц рядовой Вельен почти не запомнил – дни пролетали единым духом, точно одна минута. В преддверии коронации нового короля работы хватало. Нужно было очистить город от бродяг, побирушек и карманников. Нужно было приструнить домушников и прочую нечисть – с этими, по слухам, собирались заключить негласный договор о перемирии. Внутренние войска – начиная от городской стражи, заканчивая Особым полком – готовились к большому смотру, который должен был состояться в праздничную неделю. Молодежь муштровали ветераны, ветеранов гоняли командиры, а в общем вздохнуть было некогда всем. А еще усиленная охрана дворца – у Самого, кажется, началась паранойя на тему собственной безопасности, втихомолку шептались в полку. Ну, и ежедневной работы хватало, конечно, патрули и тюремные стражи тоже никто не отменял.

Увольнительные стали реже, не раз в неделю, а раз в десять дней, да и те – на несколько часов, а не до полуночи, как раньше. Жан так выматывался в эти дни, что однажды даже не пошел домой, а завалился с ребятами в кабак. Правда, много пить не стал, памятуя о старой поговорке про то, что на языке у пьяного и на уме у трезвого. Хватило ума не подставляться. Потом он долго-долго ходил по улицам, наслаждаясь осенним последним солнцем. Так хотелось хоть немножко отдохнуть от постоянного напряжения, чувства опасности, настороженности вечной... он ушел на берег Тирны и сидел там, кидал камешки в воду, смотрел в небо. Прости, тетка Жаклина. Устал я. Потерпи немножко одна, а то ведь... сорвусь, и кому от этого будет лучше?

Так и получилось, что в следующий раз Жан наведался к тетке только спустя три недели. Подходя к дому, снова ощутил, как привычным страхом сжимается сердце: а ну как беда? Теперь уже он ругал себя за то, что так долго не приходил... подумаешь, барин, устал он! А

если случилось что? Пришел бы в прошлый раз, увидел бы, что все спокойно... за три недели человека десять раз арестовать или убить можно, дело это нехитрое.

Когда вошел, нагнувшись, в тесные сенцы, а потом в кухню, от сердца отлегло. Тетка смазывала в клубок чистые полосы холста, мурлыкал на печи кот. Тепло, тихо, пахнет вкусно. Жан потянул носом: мясная похлебка. Хмуρο усмехнулся про себя: раньше-то тетка так обильно и сытно не готовила; мелькнула обида – не ради него, племянника, ради чужого человека...

Тетка обрадовалась ему, захлопотала, а он буркнул что-то вместо приветствия, хмуρο протопал к двери в горницу. Осторожно отодвинул занавеску, посмотрел на спящего... вздохнул тихонько. Ладно хоть платят за него... недаром тетка каждый день мясо варит, и вон занавеска у нее новая, нет худа без добра. А все-таки лучше б не было этого приемыша вовсе, не до него сейчас совсем.

Жаклина окликнула его негромко:

– Садись, поешь. Тебе оставила, знала, что придешь. Что так долго не был?

– Служба, – так же хмуρο обронил Жан. Снял и кинул на лавку мундир, сел, вытянул ноги. Поболтал ложкой в супе. – Смотри-ка, аж ложка стоит... Где мясо-то взяла?

– На рынке, ясное дело. Патрику твоему сейчас мясное – первое дело, чтоб раны затягивались. Ешь, радость моя, ешь... вот хлебушка возьми. Я тебя и в прошлый раз ждала, пирогов напекла... ой, да ты похудел! Вроде прямо с лица спал... чего так?

Жан опустил ложку, поглядел на тетку. Встревоженные глаза, родное некрасивое лицо... она не знает, куда усадить его и чем накормить, а он, дурак, нос воротит. Да пусть все на свете беглые каторжники идут лесом, тетка все равно любит его... пирогов напекла. Ну и дурак же он безмозглый!

Жан впился зубами в кусок мяса и едва слышно заурчал. Кот, почуявший запах еды, прыгнул с печи и с требовательным мявом стал тереться об его ноги. Жан наклонился, протянул кусочек мяса...

– Вкусно, – выговорил, прожевывая. – Ммм... а это что? С вишней, что ли?

– С вишней, – подтвердила Жаклина, ставя на стол большой кусок пирога. – Как ты любишь. Надолго ты?

– Часа на два, а потом обратно. Нас теперь не отпускают надолго. Ну, как вы тут?

– Да ничего вроде, – Жаклина вытерла полотенцем кружку, налила Жану молока. – Живем помаленьку. Вчера господин Лестин опять навещали...

– Как он? – Жан мотнул головой в сторону горницы.

– Спит, что ему... – тетка засмеялась.

– На поправку, что ль, пошел?

– Пошел... – Тетка хмыкнула. – Уж эти мне благородные, беда с ними. Крестничек твой, видишь ты, меня стесняться изволит. Ну, пока перевязки – еще туда-сюда, там ему ни до чего дела нет – зубами скрипит да ругается только. – Она хихикнула: – Ой, как ругается – и где только набрался... Сапожник у нас был, Луи, помнишь? Ты еще мальчонкой бегал; хороший был сапожник, да помер как-то на Рождество – пьяным замерз. Ну да дело в не в том, а выражался он – ой как выражался! Я хоть и не любитель этого дела, сам знаешь, но порой заслушивалась – это ж какие связи, какой... – она запнулась, – чувства сколько! Так вот сдается мне, наш крестничек, если еще немного подучится, того Луи догонит. Вот же – вроде из господ, а я и то сколько новых выражений узнала.

– Много узнала? – хмыкнул Вельен.

– Много не много, а хочешь послушать – милости прошу, вон вечером перевязывать буду, так сам узнаешь. Ну вот, а как дело до иного доходит... умыться там или по нужде – краснеет твой Патрик, прямо как девица. И все меня прочь гонит: сам, дескать. А какое там «сам», когда рук-то еще нету и вставать ему нельзя. Вчера вон раздухарился: сам на двор пойду. Я ему: хочешь – иди, только ведь грохнешься ты, с кровати встать не успеешь, а я тебя не подниму,

ты хоть и тощий, а все ж мужик, а я баба, у меня спина уже не та и возраст не такой, чтоб тебя таскать. Да и повязки промокнут, опять менять надо будет – хочешь? Замолк сразу, он этих перевязок как огня боится. Вроде и показать не хочет, а я как я с холстом в комнату вхожу, аж бледнеет. Слышишь, Жан, хоть ты, что ли, ему скажи – может, он тебя послушает. Скажи: для тетки, мол, Жаклины, ни мужиков, ни баб давно уже нету, она это дело давно различать разучилась.

– Скажу, – хмуро кивнул Жан.

Скажи ему, как же! Если он на своем настоять сумел с таким упрямым «собеседником», как господин Гайцберг, и выжил, то что ему какой-то солдат! В глубине души Вельен сочувствовал Патрику. Самому Жану, слава Богу, тяжело раненому валяться не приходилось, а вот мужики у них, кто воевал, порассказывали. Последнее это дело – под себя ходить, кого хочешь ломает.

Патрику действительно было очень неловко. Впервые в жизни он оказался настолько беспомощным и вдобавок зависимым от женщины. Даже на каторге, выживая после наказания, он все-таки мог подняться, пусть и с посторонней помощью, мог сам обслужить себя. Да и некому там было при нем нянкой ходить – Яну разве что, но это совсем другое. Больше всего его сейчас угнетала именно эта вот беспомощность. Левая рука, перебитая в локте, упрятана в лубок, правая плотно притянута к телу, чтобы не тревожить рану на плече. Тетка Жаклина умывала его, кормила с ложечки, помогала переворачиваться с боку на бок, чтобы не было пролежней. И не позволяла вставать даже по нужде – и вот это было унижительным. Патрику, никогда не бывавшему тяжелым, лежащим больным, эта сторона жизни казалась наиболее тягостной, и он краснел почти до слез и несколько дней мучился, прежде чем привык к этой нехитрой процедуре.

Поправлялся он медленно, намного медленнее, чем хотелось бы. Год каторги, а потом тяжелая дорога до столицы все-таки подорвали силы, и теперь раны затягивались плохо. Каждая перевязка становилась настоящим испытанием; он искусал губы в кровь, чтобы не кричать, считая ниже своего достоинства показывать слабость при женщине, но все-таки не мог сдерживать стоны. Кроме того, кричать было опасно: соседям вовсе ни к чему знать, кого там и от чего пользует тетка Жаклина. Патрик понимал, что рано или поздно слух о его пребывании здесь все равно пойдет по соседям: одна за солью забежала, вторая – за горшком, а он хоть и старался лежать тихо, когда приходил кто-то чужой, но все равно ведь слышно. Потом Жаклине это надоело, и она сердито сказала ему:

– Вот что, герой, мне твоя терпелка без надобности. Хочешь кричать – покричи, хоть вон в подушку. Какой мне прок от того, что ты молчишь-молчишь, а потом, гляди, в обморок намылишься? Терпеливый, тоже мне... – А потом вздохнула: – Ну, хоть ругайся, что ли... все легче будет.

Совет оказался действенным, и теперь Жаклина порой восхищенно крякала, слушая отборные выражения, которым Патрик научился на каторге.

Как-то так получилось, что с теткой Жаклиной Патрику было проще и легче, чем с самим Жаном. Быть может, потому что волей-неволей с Жаклиной они общались каждый день и довольно быстро научились видеть друг в друге не представителей своих сословий – просто людей. Да и какие уж тут сословия; тетка довольно долго рассуждала вслух, кем же, по ее мнению, нежданный постоялец может быть, но так и оставила эту затею – Патрик, выслушивая ее предположения, лишь улыбался тихонько. Боевую и деловитую тетку, казалось, меньше всего заботило, что скажут соседи о нечаянном прибавлении в ее семействе; вероятно, не первый и не последний у нее такой был квартирант. И обращалась она одинаково решительно что с племянником, что с Патриком, которого, кажется, тоже зачислила в разряд «своих» – тех, о ком нужно заботиться. И гоняла обоих при этом одинаково: что Жана – за непринесенное вовремя

ведро воды, ненарушенные дрова, за то, что ест мало и плохо, с лица схуднул, что Патрика – за то, что торопится встать, когда еще нельзя, за слишком резкие попытки самому себя обслужить или отказ есть мясо, когда «надо, потому что иначе заживать будет долго».

Совсем не то – Жан. Рядовой Вельен, похоже, Патрика боялся. Ну, или не боялся, а стеснялся – не один ли черт? То ли до сих пор чувствовал себя виноватым («ну не по своей воле, ваша милость, разве ж я мог послушаться приказа?» – «Дурак, да ты мне жизнь спас, я перед тобой до конца дней буду в долгу!»), то ли ощущал себя не в своей тарелке, зная, кто перед ним. Поди разбери, а сам он деловито и точно отвечал на вопросы, если Патрик о чем-то спрашивал, но первым с разговорами не лез и старался как можно больше находиться вне дома: во дворе, на улице, на службе, а если уж загоняла под крышу непогода, то сидел смиренно у печки и в горницу, где лежал раненый, носа не совал.

На все вопросы, однако, Жан отвечал четко, и Патрик узнал немало интересного о жизни Особого полка, о котором раньше ведал только понаслышке. И то сказать, чем могло быть интересно ему, наследному принцу, полицейское соединение. Ну, разве что в рамках общего развития. Патрик, как и многие придворные, относился к ведомству герцога Гайцберга со справедливой долей недоверия, опаски и пренебрежения, подкрепленных позже горьким личным опытом. Слушая Жана, он немного иначе стал представлять себе работу этой части государственной машины и порой мысленно ставил зарубки на память: вот это потому-то и потому-то, а это, наверное, можно было бы сделать иначе.

Приносил новости и лорд Лестин, который появлялся в домике тетки Жаклины раз в неделю. Чаще нельзя было: мало ли кому покажется странным, что зачастил в предместье знатный господин. Приходил всегда в разные дни, то утром, то днем, чтобы успеть вернуться до закрытия ворот, пытался помогать Жаклине обихаживать раненого (тетка ругалась сначала, потом уступила – старый лорд, повоювавший в молодости вместе с Карлом, тогда еще наследным принцем, в ранах разбирался вполне прилично, хоть и позабылся за ненужностью этот опыт). Позже, когда Патрик смог вставать и начал учиться ходить заново, добросовестно подставлял плечо и водил его сначала от стены к стене, потом от двери до окна и обратно. Когда Патрик в первый раз смог пройти без передышки от входной двери до собственной кровати, он повалился на постель совершенно измученный и, вытирая мокрый от пота лоб, поглядел на лорда такими счастливыми глазами, что тот заулыбался в ответ. Конечно же, через несколько минут принц возжелал повторить подвиг, и никакие уговоры и заверения, что завтра все снова получится, а на сегодня достаточно, не возымели действия. К чести его надо сказать, что повис он на Лестине даже не возле двери в горницу, а уже где-то в районе печки, но обратно его вдвоем доволакивали Лестин и очень кстати пришедший домой Жан.

– Ну, тебе не привыкать, – ехидно сказала Жаклина племяннику, привычно проверяя повязки, а тот сначала виновато заморгал – а потом захохотал, да так, что засмеялись следом и Лестин, и сам Патрик, корчивший от боли невообразимые гримасы.

Вечерами – длинными, темными, уже глубоко осенними – тетка приходила в горницу к Патрику с рукоделием, садилась на край кровати и, вывязывая чулок или зашивая, или штопая, то пела, то рассказывала что-нибудь. У нее оказался сильный, редкостный по красоте голос, и пела она старые, еще от деда слышанные песни – то грустные, протяжные – и сама утирала глаза, то озорные, подчас непристойные – и от души смеялась, замечая краску смущения на лице Патрика. Он в ответ спел ей однажды услышанные на каторге куплеты – смесь острого народного слова, черной похабщины и своеобразного, хоть и грубого юмора. Тетка сначала удивленно примолкла, затем оглушительно захохотала, вытирая выступившие от смеха слезы.

– Ну, парень, уморил, – выговорила она, отдышавшись. – Вот уж не думала, что господам такое ведомо.

Слушая Жаклину, живя с ней бок о бок, Патрик стал лучше понимать тех, кого в официальных отчетах именовали кратко – народ. Волею судьбы вынужденный общаться прежде

только с самой темной и дурной его частью, теперь он смог увидеть и других – простых людей, которым было все равно, кто нынче сидит на троне, лишь бы цена на соль не поднялась да урожай поспел вовремя. Когда им было думать об указах и справедливости, если огород и скотина, и нужно запастись на зиму сена, а уголь нынче кусается и детям на зиму хоть одни башмаки на всех надо бы. И если раньше это «все равно» возмущало и злило его, то теперь принц ловил себя на том, что сочувствует им, вынужденным зависеть от любого, кто мало-мальски наделен властью, пусть самой мелкой. Вспоминая безропотную покорность Марты, Юхана, Магды, он теперь стал понимать ее корни. И еще более остро чувствовал, что отвечает – за них за всех.

Тетка Жаклина никогда не была замужем. Судьба не дала ей своей семьи, и всю нерастратченную любовь и нежность она перенесла на Жана, сына старшего брата. Самой Жаклине едва исполнилось восемнадцать, когда брат – любимый, единственный – утонул вместе с женой, пытаясь переправиться на тот берег весенней Тирны – в гости к тестю. Был с ними в лодке и восьмилетний сын, но выжил. Жаклина выходила сироту и осталась за старшую в маленьком родительском доме. Не нашлось женихов для девки с дитем на руках; а может, дело в том, что была она хоть и бойкой и на язык скорой, но некрасивой, да и приданого большого нет. А может, отпугнула мужиков молва, укрепившаяся за ней – знахарка, едва ли не колдунья. Лечить Жаклину, против обыкновения, учил дед – первейший на предместье травник и лекарь, к нему и из Леррена приходили. Все свое умение старик передал внучке, а сам сгорел едва ли не в несколько дней от воспаления легких. Слушая Жаклину, Патрик часто вспоминал Магду и признавал, что тетке повезло больше – ее уважали, хотя поначалу и побаивались. Ремеслом Жаклины и жила маленькая семья. Потом, когда Жана забрали в солдаты, служить бы ему у черта на рогах, если б не скопленные в чулке монеты да мази собственного изготовления, которыми она лечила все – от гнойных струпьев и ран до грудных болезней. Теперь жила тетка небедно, крышу поправила за свои, и в сундуке на черный день отложено было, только менять старый, покосившийся родительский домишко на новое жилье отказывалась, говоря: «На мой век хватит».

Охотно делилась Жаклина и байками из своей богатой событиями лекарской жизни. Патрик, слушая ее, смеялся едва не до слез, невольно вспоминал Джара и досадовал, что так и не выпало им случая поговорить по-человечески, даром, что жили почти год бок о бок. Он пытался вспомнить все, что говорили или делали Джар и Магда, пересказывал, что запомнилось, тетке и радовался, когда она слушала внимательно, порой переспрашивала и, по всему виду, запоминала. И ругал себя: ну, что бы вот ему запомнить еще вот это и это? И вздыхал: Вету бы сюда, они бы с теткой нашли общий язык.

Вета, Вета... Так и не смог, не узнал о ней ничего лорд Лестин, и похоже было, что сгинула девушка без следа, растворилась в людском потоке столицы, а может, вовсе ушла куда-нибудь в глушь, затаилась. Последнему, впрочем, Патрик не верил. Зная Вету, он не сомневался, что девушка примется искать его. Вот только выживет ли сама она при этом, не угодит ли в лапы Гайцберга... и Бог весть как он боялся этого!

– Нет, ваше высочество, – сказал ему Лестин в следующий свой приход. – В мертвецких девушки такого возраста не обнаружено. В лечебнице для бедных тоже нет. Городская тюрьма... по моим сведениям, ни Жанны Боваль, ни Иветты Радич там нет.

– Она ведь могла назваться другим именем...

– Могла. Но вы же понимаете, что я не могу, не имею возможности проверять каждую бродяжку или уличную девку. А мои люди не знают Иветту в лицо. Есть, конечно, и Башня. Но туда я не смогу... нет возможности. Но я думаю, ваше высочество, Иветта не могла туда попасть. Это тюрьма не для всех, а она, судя по вашим рассказам, вряд ли могла выглядеть как благородная дама.

– А монастыри? Работные дома?

– Мой принц, – тихо ответил Лестин, – проверить все монастыри, работные дома, деревни я не могу. Вы понимаете это не хуже меня. Для такого поиска нужны... нужно быть королем. Не больше и не меньше. И я не могу, не имею права терять своих людей на... не там, где нужно. Тем более, с таким королем, как Густав, сейчас все это сложнее намного... почти невозможно.

Патрик долго гадал, почему не объявилась она отцу, ведь было же договорено: если что – иди к графу, да и куда бы еще могла она пойти, если не к родителям? Почему не пошла, почему скрылась? Да и жива ли вообще?

Ответов на эти вопросы у него не было, и приходилось признать, что они потеряны друг для друга. Ну, если только судьба сведет или счастливый случай... Патрику не хотелось верить в это, но он понимал, что сейчас – в его положении! – вести поиски дальше почти невозможно. И опасно – не только для него одного.

– Одним могу утешить, ваше высочество: девушка наверняка жива, раз ее не нашли в мертвецких и в больнице, – сказал Лестин. – Утешьтесь хотя бы этим. А раз жива, значит, сумеет о себе позаботиться.

Новости, которые приносил лорд, не всегда бывали утешительными. Подготовка к коронации Гайцберга шла полным ходом, во дворце все ходуном ходило. Комендантский час в столице отменили еще в начале сентября, на Королевском тракте уже не дежурили разъезды, из провинций убрали патрули. Это облегчало затею Лестина увезти принца из Леррена: теперь достаточно было выправить фальшивый паспорт. Виделись они с Патриком теперь раз в десять-двенадцать дней. В начале ноября старый лорд и вовсе пропал на две с лишним недели, предупредив, впрочем, что уезжает. Вернулся довольный – все складывается хорошо. Он увезет Патрика в имение господина Августа Анри ван Эйрека, старого друга еще по первому военному походу. Конечно, риск – втягивать в это дело кого-то третьего, но в данном случае выбирать особо не приходится. Имение ван Эйрека всего в одном дне пути от столицы, так что теперь дело за малым – укрепнуть Патрику настолько, чтобы выдержать дорогу. Все остальное – паспорт, карета, санный путь – решаемо.

Теперь, не будучи членом Совета, Лестин не мог узнавать все новости из первых рук и вынужден был довольствоваться пересказами – иногда обрывочными или противоречивыми друг другу. Старый лорд довольно хмыкал, слушая, например, рассказ Жаклины о том, как подорожали на рынке приправы; пряности ввозили из Версаны, и было вполне ожидаемо, что этим не ограничится. Потом Лестин сообщил, что министром финансов вновь назначен смещенный при Карле лорд Стейф, и улыбнулся, увидев гримасу отвращения на лице Патрика.

– Что, мой принц, опять будете воевать? – пошутил он, вспомнив историю полуторговой давности.

– Вот еще, – фыркнул Патрик. – Теперь пусть Гайцберг с ним воюет...

– Да, еще, – вспомнил Лестин, – забыл рассказать. Назначена свадьба ее высочества Эвелины Залесской и принца Северных Земель Юстина Гаусса. Приданым за невесту дают архипелаг Радужных островов.

По лицу Патрика скользнула тень.

– Вот как... Что ж, пусть будет счастлива. Смею надеяться, с принцем Юстином ей повезет больше, чем со мной.

О многом они говорили в те дни, и долгие эти разговоры приносили обоим одинаковое облегчение.

– Скажите, лорд Лестин, – Патрик решился, наконец, задать вопрос, мучавший его все эти месяцы, – почему отец так поступил... со всеми нами? Неужели он вообще не верил мне?

– Вы же читали письмо, Патрик, – напомнил Лестин.

– Да, но я хочу понять. Теперь, когда я точно знаю, что не сошел с ума и не предал, я хочу знать... понять: зачем? Зачем был нужен этот спектакль? Из-за чего погибли Ян и Жанна? Неужели нельзя было иначе... открыто, честно, расследование? Почему?

– Видите ли, мой принц, – Лестин сложил руки на животе, и Патрик невольно улыбнулся: так готовился Лестин к длинным лекциям или к долгому серьезному разговору. – В тот момент у Его Величества не было ни времени, ни возможности придумать что-то еще. Вас арестовали, когда король был без сознания, и следствие пошло, разумеется, по вполне предсказуемому пути. Я же виделся с Его Величеством, когда ему разрешили разговаривать... Он сказал сразу, что это был маскарад, что ни минуты не сомневается в вас, но что сейчас лучше оставить все как есть, потому что крепость для вас тогда была самым безопасным местом, пока шло следствие. Его Величество проводил параллельно другое расследование, свое, тайное. Оно не заняло много времени. Мы поняли, что удар был направлен на вас и что заговорщики торопились: у них оставалось не так много времени. И еще мы поняли, что они не остановятся ни перед чем, чтобы не пустить вас к трону. И тогда мы решили не мешать официальному следствию... пусть те, кто стоял за этим покушением, думают, что добились своей цели. Надо сказать, Его Величество был не так уж неправ, мой принц, потому что теперь вас действительно списали со счетов. Вы – никто. А за те месяцы, что вас не было в столице, король успел кое-что сделать. Кто же мог знать, – Лестин вздохнул, – что умрет Август и все повернется таким образом.

– Все равно, – Патрик упрямо мотнул головой, – все равно: зачем – так? Почему именно лагерь? Почему не монастырь какой-нибудь... что угодно! Я даже не только о себе, а... вообще о всех нас. Мы с Яном могли двадцать раз погибнуть от случайного ножа в темноте, в драке, да в карьер свалиться, черт возьми, и ногу сломать!

– Мой принц, ваш комендант...

– Мой комендант, – перебил его Патрик, – отлично знал, кто я такой. И старался вытаскивать меня из неприятностей – это даже такой дурак, как я, быстро понял. Но могло случиться что угодно, вы не знаете тамошних нравов, лорд Лестин, и слава Богу. Я не могу не думать о том, что не будь этой идиотской выдумки, Ян остался бы жив!

Голос его сорвался, он умолк, отвернувшись. После паузы добавил тихо:

– И остальные... отец сломал четырнадцать жизней. Просто так.

– Он сделал это, чтобы спасти вас, – так же тихо напомнил Лестин.

– Не такой ценой!

– Мой принц, – почти шепотом отозвался Лестин, – лес рубят – щепки летят. И вы должны это знать, потому что... вы станете королем. Бывают случаи, когда жертвы оправданы.

– Нет, – глухо проговорил Патрик. – Такие жертвы не оправданы будут никогда.

Какое-то время оба они молчали.

Потом Лестин вздохнул:

– Патрик, теперь мы всего уже никогда не узнаем. Только Его Величество мог бы рассказать нам, почему он поступил так, а не иначе. Если он не сделал этого, когда был жив, значит... значит, знал, что вы поймете его без слов. И не думайте, кстати, что отец оставил вас вовсе уж без прикрытия. Если бы не смерть Августа, нам, конечно, было бы легче, но не все потеряно. Есть люди, которые верят вам. Да, теперь они частью отстранены от дел, часть их уже не при дворе, но они живы. И верят вам.

Патрик прерывисто вздохнул.

– Сколько?

– Точно, конечно, не скажу, но...

– Будь их даже десятки, сейчас этого мало. Нужна поддержка гвардии... боюсь, теперь мне придется рассчитывать, в основном, на силу штыков.

– И прекрасно, – невозмутимо отозвался Лестин. – Значит, этим мы и займемся в первую очередь.

* * *

– Ваше высочество, – глаза Марии фон Рейль, новенькой, недавно назначенной ко двору фрейлины, были полны восторга, – вас просит принять ее мадам Жозель.

Ее высочество принцесса Изабель развернулась от окна, у которого стояла последние четверть часа, с недоумением посмотрела на девушку и едва слышно вздохнула. Ох уж эти ей молоденькие восторженные дурочки! Нет, девушку можно понять: мадам Жозель – мастерица из первейших, недаром при дворе уже пятнадцать лет; платья, выходящие из ее рук – произведения портновского, нет, даже ювелирного искусства. Марии фон Рейль, только месяц назад приехавшей из провинции, величественная, невозмутимая мадам Жозель казалась, похоже, одной из самых важных особ. Еще бы – небогатая семья фон Рейлей, в которой растут четверо девиц на выданье, достаток имеет весьма скромный. Изабель не раз замечала, как заливаешься краской новенькая, когда видит презрительные гримасы на лицах остальных фрейлин: платья она с собой привезла немодные, в провинцию новые веяния доходят с большим опозданием, волосы камеристка причесывает кое-как, и вообще. А у мадам Жозель, если заслужить ее расположение, можно выведать так много секретов... о-о-о, она знает все о прекрасном мире моды, о том, что носят сейчас за границей, о том, какие ткани будут популярны при дворе нынешней зимой, о том... всего не перечислить. Жаль только, что мадам Жозель фрейлин не любит. Считает всех поголовно охотницами за женихами и вертихвостками, а выпытать у нее хоть что-нибудь нужно очень постараться. Правда, некоторые фрейлины все-таки умеют это делать, но ни за что не хотят делиться своими секретами. И смотрят насмешливо: фи, невежа...

Впрочем, после смерти Августа был объявлен траур, и фрейлины поумерили свою страсть к нарядам. Но срок траура уже истекает, и вскоре придворные дамы вновь будут щеголять во дворце новыми, замысловато отделанными туалетами. Сама же принцесса упорно носила черное и почти не выходила из своей комнаты, хотя ей уже неоднократно намекали, что пора бы и обновить гардероб, да и вообще... развеяться. Изабель только отворачивалась. Дни она проводила с младшими принцессами, а вечера – в одиночестве, несмотря на предложения фрейлин то пойти кататься по городу, то принять участие в ежевечерних чтениях.

Уже полгода Изабель жила в постоянном страхе. Да что там страхе – порой это был открытый ужас. Она перестала спать ночами, в шагах за дверью ей чудилась угроза; вот сейчас к ней в комнату придут, чтобы убить ее. Она не могла заставить себя выйти из комнаты после наступления темноты. Ее спокойный, радостный и доверчивый мир рухнул в тот вечер, когда брата ее обвинили в измене. Нелепость обвинения яснее ясного показывала – это могло случиться и с ней

Защитить ее было некому. Средоточие ее мира, два самых смелых, сильных, добрых человека, почти бога – отец и брат – оставили ее. Не на кого надеяться, негде просить помощи. Две маленькие девочки и мальчик, цепляющиеся за ее юбку, ждущие от нее помощи – вот все, что у нее оставалось. Мать не в счет. Впервые принцесса почувствовала себя старшей – теперь помощи и защиты ждали от нее. Изабель никогда прежде не испытывала нежных чувств к маленькому Августу, хотя сестер любила всей душой. Но все изменилось внезапно. Острая, всепоглощающая, почти материнская жалость к мальчику, который не понимал, что происходит и искренне радовался происходящему, затопила сердце. Этот малыш оказался так же одинок, как и она сама. Ей все казалось, что Август сможет понять глубину ее одиночества и отчаяния. А сестры приносили ей утешение веселым лепетом и играми. Она целые дни проводила с малышами, играла с ними, читала им сказки, утешала и целовала перемазанные пальчики и щечки. После смерти отца трое малявок оказались единственными родными ей людьми во всем дворце. Когда заболел Август, принцесса не слишком расстроилась сначала, считая это обычным детским недомоганием. Она навещала брата, рассказывала ему сказки, приносила сладости... а он не смотрел на них, отворачивался, прикрывая глаза, просил опустить шторы.

Дворцовый лекарь не отлучался из комнаты мальчика, а на четвертый день утром, придя к Августу, Изабель увидела на лице старого врача неприкрытую тревогу.

В те дни, засыпая, Изабель молилась о путешествующих и скорбящих, о болящих и страждущих, и в мыслях ее Патрик путался с Августом, и сама не знала, о ком теперь тревожится больше – о старшем ли, который далеко и неведомо, жив ли, или о младшем, который лежит в жару и... неведомо, жив ли будет.

А потом наступил день, разломивший ее жизнь надвое, на «до» и «после». В то утро она поднялась в обычный час и, наскоро поев, собиралась идти к сестрам. Ее уже закончили причесывать, и камеристка оправляла на ней оборку свежего платья (ее любимого, между прочим, голубого с белыми кружевами), когда в дверь постучали. Изабель встревоженно оглянулась. Лекарь? Плохие вести? Она едва сдержалась, чтобы не сорваться с места и не броситься к двери самой, но даже не повернула головы, увидев отразившуюся в зеркале высокую, худую фигуру.

Лорд-регент неторопливо прикрыл за собой дверь и коротко поклонился, приветствуя ее. И Изабель сразу бросилось в глаза, как хорошо он сегодня выглядит – в сером, простого покроя, костюме, тщательно завитые черные волосы перевязаны на шее бантом, а лицо словно помолодело... выпался, что ли?

– Прошу простить за вторжение в столь неурочный час, ваше высочество, – без улыбки проговорил он, – но мне необходимо кое-что сообщить вам. Я не задержу вас надолго.

Когда камеристка, поклонившись, торопливо выскользнула из комнаты, Изабель повернулась к Гайцбергу.

– Слушаю вас, милорд, – сказала она спокойно, украдкой пряча в складках платья пальцы, сложенные в отвращающем плохие вести знаке.

– Я знаю, что моя новость огорчит вас, ваше высочество, и заранее приношу свои соболезнования...

Глаза его сверкнули, и по этому блеску, по этой глубоко спрятанной внутри радости Изабель все поняла – раньше, чем он успел договорить...

...Две смерти слились в одну большую беду, которой не было даже имени. Сначала Изабель поминала два имени в одной молитве, потом молиться перестала. Куда-то ушла, уткнула, точно вода сквозь пальцы, вера во всемогущего и милостивого Бога... если Он так всемилостив, отчего допустил эти смерти? Отчего не сберег, отчего... ведь маленький Август – он не то что зла никому не успел сделать, а даже и обидеть никого еще не мог!

Вечерами она в одиночестве разбирала старые бумаги. Отложила в одну стопку письма и записки отца – король из походов посылал дочери пространные письма в помощь учителю географии: описания провинций Лераны, столиц Версаны и Элалии, обычаи народов, которые казались ему забавными. Справлялся о здоровье, шутил и просил не грустить – они скоро вернуться, и тогда он привезет своей девочке такую куклу, каких у нее никогда еще не было. Потом к этим письмам прибавились записочки от Патрика, когда отец стал брать его с собой. Их Изабель сложила отдельно, перевязала лентой и задумалась: куда бы спрятать? Ей не хотелось, чтобы хоть кто-нибудь чужой касался этих листков, исписанных почерком брата; после суда и ссылки о наследном принце во дворце говорили большей частью шепотом, а все, с ним связанное, старательно уничтожали. Поразмыслив, принцесса спрятала их в картонку из-под шляп, где раньше хранила самые важные свои детские сокровища: обертки от леденцов, облезлую от времени куклу и засушенную розу, подаренную ей на одном из приемов в Версане милым мальчиком-кузеном, сыном королевы Марианны. Они танцевали тогда менуэт, впервые допущенные на взрослый бал... сколько же лет им было? Кажется, тринадцать ей и пятнадцать ему. Кузен был учтив необычайно, а ей, девчонке, весь мир тогда хотелось любить, вот и сохранила розу – на память об одном из самых счастливых дней в жизни... Потом они даже обменялись парой писем; вот они, тоже здесь. Но Патрик, Патрик... Изабель против воли разворачивала и перечитывала его шуточные послания, и тогда ей снова начинало казаться, что брат здесь,

что вечером они снова соберутся в его покоях, что он снова будет называть ее «малышкой» и дергать за косу – нужно только подождать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.